

№6
Июнь 2012

Т УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

🕒 23:00

🕒 7:00

Реклама

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC «VTB Bank (Georgia)», ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гогі КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джанеуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6
Июнь 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ
- 6 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8 КОГДА ДЕРЕВЬЯ СТАНУТ БОЛЬШИМИ
НИНА ШАДУРИ
- 12 ОБРАЗЦОВЫЙ АРТИСТ
ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ
- 15 КОНЦА УРОКАМ НЕТ...
ГЕРМАН ВЕЛЛИНГ
- 16 PAS DE НИНО
НИНО ЦИТПАНАДЗЕ
- 19 «ЗАГАДКИ ЛЮБВИ» И НЕЧТО САКРАЛЬНОЕ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 23 МУШКЕТЕРЫ, К БОЮ!
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 26 ВО СЛАВУ ЖИВУЩЕГО
ВИКТОРИЯ ПОПОВА
- 28 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 33 ПУСТЬ ЭЖТА РУКА НЕ ЗАБУДЕТСЯ
ЮЛИЯ СИВЕРСКАЯ
- 34 ПЛАСТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ ДУШИ
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 38 РОДНИК ЖИВОТВОРНЫЙ
МЕРАБ ГУДУШАУРИ
- 40 В ГЛАВНОЙ РОЛИ – РЕЖИССЕР
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 44 ПРОФЕССИЯ – МОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ
САЛОМЕ МАНАГАДЗЕ
- 46 ПОРА ВЫТАСКИВАТЬ ИЗ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКА!
ЯНА ИСРАЕЛЯН
- 49 «САМОЕ ПРОЧНОЕ В ЖИЗНИ – ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 53 МОМЕНТ ВЕЧНОСТИ
АЛЕНА ДЕНЯГА

На обложке – **Гуджа Бубутеишвили**, президент АО «Сараджишвили»
Фото Александра Сватикова

26 МАЯ В ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ НА ПРОСПЕКТЕ РУСТАВЕЛИ В ТБИЛИСИ СОСТОЯЛСЯ ПАРАД ГРУЗИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (ВЫСТАВКА-ПРОДАЖА «ИЗГОТОВЛЕНО В ГРУЗИИ»).

ОТ ДО

МЫ БОЛЬШЕ НЕ НЕМЦЫ

Шел бурный и беспокойный семнадцатый. Уже третий год бушевала Первая мировая война. Молодые англичане продолжали гибнуть на полях сражений и в окопах на германских фронтах. В Англии был всплеск патриотизма. Люди с воодушевлением записывались в армию, невзирая на огромные жертвы. И тут король Великобритании Георг V издал указ об изъятии всех немецких титулов из имен членов королевской семьи. Королевская династия, ранее именовавшаяся со времен королевы Виктории и ее мужа принца Альберта Сакс-Кобург-Готской, стала Виндзорской. Так ветвь Эрнестинской линии древней саксонской династии Веттинов избавилась «волевым порядком» от своих германских корней.

В настоящее время после брака нынешней королевы Елизаветы II с герцогом Эдинбургским их потомки носят его фамилию. Они фактически уже принадлежат к датской династии Глюксбургов. Их фамилия по документам — Маунтбеттен-Виндзор. Однако официальное название правящей династии и после Елизаветы II по-прежнему будет «Виндзорская».

150 ЛЕТ ЗАКОНУ ОБ ОТМЕНЕ РАБСТВА

19 июня 1862 года президент Авраам Линкольн принял закон об отмене рабства. Об этом написано в учебниках. Дескать, президент-лесоруб из народа — «честный Эйб» происходил из беднейшей фермерской семьи. Дескать, с детства ненавидел рабство и любил афро-американцев. Потом он выучился на адвоката, стал президентом США и освободил всех негров — ни дать ни взять, олицетворение «американской мечты».

Но на самом деле все было не совсем так.

Да, он не любил рабство, как и всякий настоящий свободолюбивый американец, но первого негра, представьте, увидел почти в двадцать пять лет, когда отправился в путешествие на Юг. А 150 лет назад, когда началась Гражданская война, а Линкольн был президентом и главкомом, он издал закон, запрещающий рабство на западных территориях, где его отродясь и не было. Позднее, уже в 1863 году он издал Декларацию об отмене рабства... но и это не совсем так — он освободил рабов на территории мятежных южных штатов, с которыми воевал, и, естественно, пока там не мог командовать. Да и назывался документ вовсе не Декларацией, а Прокламацией, то есть Воззванием... А знаменитая XIII поправка к Конституции об окончательной отмене рабства была принята только в конце 1865 года, то есть уже после гибели Линкольна.

СКОЛЬКО РАЗ ГОРЕЛА МОСКВА

Деревянная Москва горела часто — чуть ли не раз в двадцать-тридцать лет. Причем, выгорала буквально дотла. А в первый раз, так вообще в 1177 году, через тридцать лет после основания города. Тогда оскорбленный рязанский князь Глеб попросту спалил будущую колыбель российской государственности. Жгли ее и татары, и поляки, и, конечно же, конкуренты-соседи. А случалось, что и сами московские «лихие» люди — так

называли тогдашний уголовный элемент.

21 июня 1547 в Москве вспыхнул грандиозный пожар, в котором погибло более двух с половиной тысяч человек. Загорелось где-то в районе современной Лубянской площади, и в скорости запылал весь центр. Тогда в городе еще не было профессиональных пожарных — до этого было еще долгих 280 лет. Справились простые горожане. На тушение огня встал буквально весь город во главе с молодым Иваном Грозным, который по легенде «был zelo храбр».

Но в его правление Москва еще раз пылала в 1571 году в нашествие Девлет-Гирея.

Когда же после пожара 1812 года центр Москвы застроили каменными зданиями, число пожаров резко сократилось.

УОТЕРГЕЙТСКИЙ СКАНДАЛ

17 июня 1972 бдительная американская полиция арестовала пятерых странных взломщиков, которые не грабили фешенебельный номер в дорогой гостинице «Уотергейт» в Вашингтоне, а напротив, начинали его дорогостоящей техникой. Это были электронные подслушивающие устройства, а в номере располагался штаб Демократической партии — конкурента Республиканской партии, к которой принадлежал правящий президент США. Скандал, который разразился вслед за этим, положил конец политической карьере президента Ричарда Никсона. Под угрозой импичмента ему пришлось до срока уйти в отставку.

200 ЛЕТ АВТОРУ «ОБЛОМОВА»

18 июня 1812 — ровно 200 лет тому назад родился великий русский писатель Иван Гончаров. Мы со школьной скамьи знаем, что есть две русские литературы: одна — популярная на Западе литература Толстого и Достоевского, другая, более близкая русскому читателю — Чехова и Гончарова. Мало кто из русских литераторов мог так, как Гончаров чувствовать весь спектр света, излучаемого Россией. От описания природы до тонкого психологического анализа сложной природы русского интеллигента. И кто еще, кроме Гончарова, смог бы создать столь убедительный образ Ильи Обломова — человека глубокого, духовного, но опустившего руки. Все его книги, невзирая на неспешность литературного повествования, буквально призывали: хотим перемен! Притом, что Иван Гончаров, хоть и был гениальным писателем, но вовсе не был революционером — он был просто порядочным человеком.

340 ЛЕТ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

9 июня 1672 года в Москве родился будущий всеильный Император Всероссийский Петр Великий. Он был младшим сыном второго царя династии Романовых Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, от второй жены Натальи Кирилловны. Его детство пришлось на очень беспокойную эпоху — сплошных бунтов и мятежей. В непримиримой борьбе двух кланов Милославских и Нарышкиных погибла почти вся родня юного Петра. И может быть именно тогда, под колокольный звон набатов, среди шума бунтующей, опьяненной кровью толпы, среди запаха гари и всполохов пламени грозных московских пожаров, и родилась мечта о море, о просторах, о сказочном Граде, его граде Петровом. Этот талантливый русский мальчик захотел перемен... А что случилось потом мы все знаем из учебников истории, романов и кинофильмов о Величайшем Реформаторе, который, как сказал поэт, «поднял Россию на дыбы».

172 ГОДА АКАКИО ЦЕРЕТЕЛИ

9 июня 1840 года родился известный грузинский писатель и идеолог, поэт и просветитель Акакий Ростомович Церетели. Семья Церетели принадлежала к известной и почитаемой княжеской фамилии, однако мальчика на протяжении первых шести лет жизни растили в деревне — такова была древняя традиция. И

это, заложенное в детстве, стирание сословных границ между князем и крестьянином, Акакий пронес через всю свою жизнь. Он продвигал идеи гуманизма и просвещения во всех местах, где ему приходилось работать: известных грузинских газетах «Дрозба», «Тифлисский вестник», журнале «Цискари» и собственном «Ежемесячном сборнике Акакия», а также многих народных изданиях. Он был убежден, что творческий дар писателя обязан, в первую очередь, служить народу и просвещению. И поэтому его произведения — это борьба за освобождение крестьян, его стихотворения стали национальными гимнами во время революционных восстаний, а исторические произведения пропагандировали патриотические идеалы и возвращение к культурным истокам. Впрочем, и лирические тексты Акакия Церетели «Сулико», «Возлюбленной», «Амиран» и другие ныне известны не менее чем народные грузинские песни. А грузинский театр обязан Акакию известными и популярными сатирическими комедиями.

УВАЖАЙТЕ ТАЛАНТ!

Имя этого человека с удовольствием упоминает любой школьник. Грузинский меценат, изобретатель и создатель знаменитого и вкуснейшего лимонада Митрофан Лагидзе родился в 1869 году, 22 июня. Мальчик некоторое время проработал в учениках у кутаисского аптекаря, занимаясь травами и эссенциями. Но

пытливый ум вскоре подтолкнул его к экспериментам, и вот, всего через несколько лет, Митрофан создает уникальные рецепты фруктовых вод. Позже появляется первый маленький завод, где изготавливают сиропы. А еще через некоторое время аналогичный завод открывается и в Тбилиси — помогли Акакий Церетели и Илья Чавчавадзе. Бизнес не всегда был удачен — в 1921 году завод был уничтожен до основания то ли случайно, то ли намеренно вызванным недоброжелателями пожаром. Но Лагидзе не сдавался, и на время работа осуществлялась прямо в подвале его дома. Потом все было восстановлено.

Заводы Митрофана Лагидзе всегда были оснащены согласно передовым технологиям. Он не жалел денег на нововведения, оборудование, заграничные новинки. Поэтому лимонад был столь хорош, что Лагидзе однажды обвинили в наличии «секретного ингредиента». Но секрет был только в упорстве и таланте...

Лагидзе был не только талантливым предпринимателем. Он умел употребить заработанные средства на пользу родной стране. Именно с его помощью была построена первая электростанция в Западной Грузии. На его деньги издавалось множество книг современных талантливых грузинских авторов.

Пулково. День эмиграции

«МНЕ ГОВОРЯТ, ЧТО НУЖНО УЕЗЖАТЬ»

4 июня 1972 года из Советского Союза был вынужден уехать гениальный Иосиф Бродский. Его буквально вынудили это сделать под угрозой репрессий и даже ареста тогдашние идеологи. И он отправился с потертым чемоданом навстречу неизвестности жить на чужую землю. Но талантливый сын России там не пропал, он добился мирового признания и даже стал Нобелевским лауреатом. Его признали великим российским поэтом XX века даже на Родине, и даже еще при жизни. Он хотел приехать, но его желание «на Васильевский остров я приду умирать» не сбылось, он похоронен в Венеции, вдали от родных северных балтийских туманов.

Роб АВАДЯЕВ

КОГДА ДЕРЕВЬЯ СТАНУТ БОЛЬШИМИ

Есть такое понятие – бизнес-интеллигент. Гуджа Бубутеишвили – именно такой. Один из очень немногих, а во многом – единственный в своем роде. Такой, каким был Давид Захарьевич Сараджишвили.

Гуджа Бубутеишвили

А все-таки интересно, какие они, выдающиеся бизнесмены?

Воображение привычно рисует холодного и расчетливого, жесткого и высокомерного дельца, который живет в ритме вечного счетчика, ежесекундно подсчитывающего прибыль.

Но вдруг судьба дарит тебе встречу с Гуджей Бубутеишвили, учредителем и президентом акционерного общества «Сараджишвили», и ты сразу же убеждаешься в том, что воображение обманывало. Искренняя приветливость и легкая ироничность, дружеская расположенность и простота настоящего интеллигента, способность радоваться мелочам, но не мелочиться – таков в личном общении один из самых известных в деловом мире предпринимателей. А то, что батони Гуджа – известный благотворитель и меценат, эстет и пропагандист великого исторического прошлого Грузии, самых славных ее традиций – завершает картину и представляет нам образ, пожалуй, идеального делового человека. Не только сегодняшнего дня, но и на все времена.

Компания «Сараджишвили», которую Гуджа Бубутеишвили возглавляет с 1995 года, является старейшим и крупнейшим производителем грузинских коньяков. Она – правопреемник фирмы великого Давида Сараджишвили, предпринимателя, ученого, общественного деятеля, основоположника промышленного производства коньяка по классической технологии не только в Грузии конца XIX-начала XX веков, но и во всей Российской империи того времени. Получив во Франции специальное образование, Сараджишвили в 1884 году основал в Грузии первый коньячный завод, а также фонд спиртов, который сегодня является поистине золотым – в 16 тысячах дубовых бочек выдерживается более 500 тысяч декалитров уникальных спиртов, старейший из которых

был выкурен в 1893 году под личным контролем «отца грузинского коньяка». В 1902 году за особые заслуги в развитии производства алкогольных напитков Д. Сараджишвили было присвоено звание «Советник по коммерции», а в 1913 году за многолетнюю поставку коньяков высочайшего качества фирма получила звание «Поставщик двора Его Императорского Величества».

Надо сказать, что Сараджишвили сумел наладить не только безупречное производство прекрасного напитка, но и его сбыт. В те годы в ресторанах Тифлиса участились удивительные происшествия. Если кавалер спрашивал у своей дамы, что она предпочитает выпить, дама отвечала, что «разумеется, коньяк Сараджева». Тифлиские кинто также требовали себе только этот коньяк, а не получив его, устраивали в ресторанах скандалы. Как вы догадываетесь, дамы-красавицы, как и грозные кинто, нанимались фирмой Сараджишвили. А на чудесной фотографии, заказанной самим Давидом Сараджишвили известному фотографу Александру Роинишвили, коньяк Сараджишвили рекламировала одна из первых грузинских фотомоделей – княжна Бабо Багратиони-Давиташвили. Скрытая и явная реклама работала безукоризненно – молва о напитке разносилась все быстрее, рестораны и магазины заказывали у Сараджишвили все новые и новые партии коньяка, который стал уверенно теснить французские сорта...

Но Давид Сараджишвили навсегда вошел в историю и остался в памяти людей не только как великий предприниматель. Его выдающийся современник, писатель Акакий Церетели писал, что «Давид заслужил любовь своего народа своей же, щедро отданной любовью». Преданность родине и народу Давид Сараджишвили доказывал на деле, осуществляя поистине беспрецедентную благотворительную деятельность, помогая

литераторам и художникам, общественным деятелям и ученым, талантливой учащейся молодежи и просто нуждающимся.

Вот такой задел получил в свое распоряжение Гуджа Бубутеишвили и отнесся к нему именно как к великому делу, которое требует великого продолжения. Первый же поступок нового владельца и руководителя сполна продемонстрировал это понимание. Сараджишвили умер в 1911 году и был похоронен в тбилисском Дидубийском пантеоне. Но в 1938 году, по решению тогдашних властей города, прах «капиталиста» и его супруги Екатерины Поракишвили был перезахоронен на городском кладбище. А в 1995 году по инициативе Гуджи Бубутеишвили Давид Сараджишвили и его супруга были похоронены во дворе Кашветской церкви в Тбилиси. Место было выбрано не случайно – в финансировании строительства Кашвети основная доля принадлежала Д.Сараджишвили.

На прощальной церемонии похорон, извиняясь перед памятью покойных за злодеяния, учиненные советской властью, Г.Бубутеишвили сказал: «Хоронили, как царя, выкопали из могилы, как простого раба, придаем кашветской земле, как святого!»

В 2002 году в центре старого Тбилиси по инициативе и на средства компании «Сараджишвили» был воздвигнут пятиметровый бронзовый памятник Давиду Сараджишвили (скульптор – заслуженный художник Грузии Т.Кикалишвили). Сегодня это воистину символ торжества справедливости.

В феврале 2012 года дом и винный погреб Давида

жеские отношения. Поэтому глава «Сараджишвили» сделал исключение и согласился на беседу с «Русским клубом».

- Батона Гуджа, с каким чувством вы смотрите в будущее?

- У меня очень хороший настрой. Я думаю, даже уверен, что наше будущее будет лучше нашего прошлого.

- Дай бог, чтоб так и было.

- Так и будет.

- Вы возглавили компанию в 1995 году. Это была судьба или случайность?

- Наверное, судьба. Я очень много знал о жизни и личности Сараджишвили. Компания, которую я купил, тогда называлась «Энисели». Приобретая ее, я сразу занялся перезахоронением праха супругов Сараджишвили. И назвал компанию «Сараджишвили». Теперь это хорошо известный для всех бренд, согласитесь?

- Конечно. Это не только марка, но и национальное достояние.

- Да. Такой человек, как Сараджишвили, заслуживает именно такого отношения. Он создал первое коньячное производство не только в Грузии, но и в Российской империи. Начал в Тбилиси в 1884 году, затем продолжил в Армении, Дагестане, Молдавии, Азербайджане...

- Чему мы можем сегодня научиться на примере Давида Сараджишвили?

- Тому, что необходимо очень много учиться. Так, как это делал Сараджишвили. Он начал обучение в Санкт-Петербурге, продолжил в Гейдельберге и закон-

Здесь рождаются знаменитые коньяки

Сараджишвили объявлены памятником культурного наследия Грузии. Но, пожалуй, лучшим памятником великому Давиду является то, что на сегодняшний день под маркой «Сараджишвили» выпускается около 80 процентов всего объема производства коньяка в Грузии. Напитки с неизменным успехом участвуют в международных выставках и дегустациях. У бренда – почти 160 наград. Из них – пять Гран-при, среди которых «Супер Гран-при» и звание «Лучшему среди лучших». Последнее достижение «Сараджишвили» – золотая медаль бренда «Очень старый» на одном из самых престижных конкурсов – ежегодном конкурсе алкогольных напитков в Чикаго «The Beverage Tasting Institute».

Гуджа Бубутеишвили никогда не дает интервью. Но с Николаем Свентицким его связывают давние дру-

чил в Париже. Он был доктором философии и химии. Но главное, чему мы можем у него научиться, терпению.

- Так как же стать миллионером?

- Надо помогать богу, и каждый день с утра до вечера, точнее, с утра до утра, работать.

- А как складывается ваш обыкновенный день?

- Так и складывается. Он начинается в 6 часов утра. И работаю я до глубокой ночи. Я так живу. Мне приятно, когда я занимаюсь делом.

- А что еще представляет для вас большую ценность?

- Я собираю книги. Очень люблю театр. В молодости у меня всегда были абонементы в театры Марджанишвили, Руставели, музкомедии.

- Какие театральные впечатления были самыми яркими?

- Спектакли с участием Верико Анджапаридзе, Васо Годзишвили, Софики Чиатурели. Вообще, я очень люблю театр Марджанишвили.

- А когда вы последний раз были в театре?

- Недавно.

- Для друзей время находится?

- Друзья у меня бывают очень часто. Их у меня много, ведь мне 65 лет.

- Кто входит в первый круг ваших друзей?

- Таких людей немало. В том числе – Николай Свентицкий.

- Вы человек деликатный и интеллигентный. Простите, но как вы выживаете в жестоком мире бизнеса?

- Самое важное – это качество. Я очень ценю традиции, заложенные великим человеком – Давидом Захарьевичем Сараджишвили. Он был простой и скромный человек. А ведь в простоте заложено все. И богатство в том числе. Вы знаете, например, что две трети суммы на строительство Тбилисского университета дал именно он? И сказал одному из основателей университета Нико Цхведадзе – даю вам деньги, только не надо нигде об

ли, Акакий Хоштария, Нико Николадзе, наша жизнь будет лучше. Достаточно посмотреть, как жил, например, Николадзе – заходишь во двор его дома, и кажется, что попал в самый центр Европы. Тебе и в голову не придет, что находишься рядом с Самтрелиа. Каждую субботу дома у Сараджишвили накрывался стол, и не так, как грузины сейчас накрывают – стол завален, тарелка на тарелке лежит. На столе у Давида было лобико всех видов, зелень, сыр, мчади, хлеб и кувшин холодного вина. Тамада – Рафиел Эристави. А за столом сидели самые знаменитые люди... Расскажу вам случай. В то время в Гурии во время беспорядков убили царских солдат, и последовал высочайший приказ уничтожить Гурию. Илья Чавчавадзе, который часто бывал у Сараджишвили и читал все свои произведения в этом доме, как и большинство писателей, сказал Давиду Захарьевичу: «Я очень часто обращался к наместнику с просьбами, попроси его ты». Армия уже приблизилась к Кутаиси. Сараджишвили согласился. А наместник Голицын был у Сараджишвили в громадном денежном долгу. И за 10 минут дело было кончено. Сараджишвили простил долг, армию развернули назад. Рассчитались.

- Чему вы учите своих детей, внуков? Какими хотите их видеть?

- Образованными и трудолюбивыми людьми. Хочу, чтобы они любили страну, город, соседей, друзей, родственников. Я вспоминаю, например, 31 декабря 1956 года. В Тбилиси идет снег, приближается Новый год, и во всем городе стоит аромат праздника – вкусной еды, любви, дружбы... Вот так все и должно быть.

- Как вы думаете, ваши уроки пошли впрок вашим детям? Вы довольны?

- Наверное, родители никогда не бывают абсолютно довольны. Как говорится по-грузински, «сцавла сибережде» - «учиться до старости». А я бы сказал – учиться до самой смерти. И тогда человек пригодится и себе, и другим. Вот вы спрашивали меня о друзьях. Тбилиси – особый город. Здесь всегда под-

черкивали (и особенно – наши колоритные люди), что дружба должна быть круглосуточной. Не было такого, как сейчас – достиг человек какого-то богатства, появились у него дорогие дом, машина, одежда, и он становится совсем другим. Вы же замечали это и сами? И что в этом хорошего? Ничего. Потому что это некрасиво. Человек не должен меняться, когда получает много денег. И это плохо в первую очередь для него самого.

- Вы человек традиций...

- Да.

- А какова роль женщины в вашем понимании мира? На примере, скажем, вашей супруги...

- Самая главная. В жизни нет интереса без любимой женщины.

- А что еще составляет круг ваших интересов?

- Все. Вся жизнь. Например, я каждый год сажаю около 500 саженцев. И делаю это потому, что люблю свою страну, свой город. Меня часто спрашивают: «Гуджа, зачем ты сажаешь деревья? Ты же не успеешь все это вырастить». Но если бы мой отец, которого я, к несчастью, не помню, посадил саженцы, когда я был маленьким, сейчас они были бы большими деревьями. Это и есть цепочка жизни: от вас – к вашим детям, от них – к их детям... А деревья – они для всех.

- А чего нам не хватает для хорошей жизни?

- Большинство людей не любит работать. Давайте

В кругу семьи

поедем в Восточную Грузию. Что мы там увидим? Мужчины сидят у ворот и играют в домино. А женщины работают.

- В чем ваша главная надежда?

- Самое главное, чтобы во власть на местах пришли образованные люди. Цивилизация идет вперед, и я не считаю, что необходимо сохранять абсолютно все наши традиции. Традиции надо почистить – плохое забыть, хорошее сохранить и передать будущим поколениям. Но это будет нескоро – лет через 15-20...

- Когда посаженные вами деревья станут большими...

- Да. В Грузии есть правило – когда организуют большое застолье, выбирают человека, который точно знает, сколько и что надо приобрести для стола, за который сядет, например, 200 человек. Но ни одно село не может выбрать человека, который точно знает, сколько и что надо сделать для людей. Как вы думаете, если в каком-нибудь маленьком городе сегодня провести совершенно независимые выборы, кого выберут?

- Не знаю...

- Выберут дурака. Общество пока еще не повзрело.

- Батоно Гуджа, какое место в вашей жизни занимает русская культура?

- Как можно не уважать и не любить народ, в культуре которого есть Толстой, Достоевский, Гоголь, Пушкин, Лермонтов? Это личности, которые внутренне были очень свободны. Мой дед по отцовской линии, кстати, с отличием окончил московскую Академию горной химии в 1931 году. Я очень люблю Санкт-Петербург и Москву. Красивые города, где живут красивые люди. Вчера у меня были гости из Москвы. Мы беседовали, и я видел, с каким уважением они относятся к грузинским реформам. Я надеюсь, что начнется диалог. Прямой. Ведь если человек что-то скрывает, у него начинает болеть душа. Если он нормальный человек, конечно, потому что у ненормального не болит ничего. Я думаю, что все будет хорошо. Просто разговаривать надо честно.

Замечательные слова услышали мы от супруги Гуджи Бубутеишвили, обаятельной и приветливой Марины.

- Я говорю не как жена, а как просто Марина. Мой муж – великий человек и идеальный мужчина. Это человек поистине безграничной доброты. И кого-нибудь, подобного ему, я никогда в жизни не встречала.

- Скажите, а бывают у него трудности?

- Бывают, конечно. Но какие именно, не смогу вам ответить точно. Я не знаю.

- Наверное, поэтому он и есть идеальный мужчина, раз вы не знаете, в чем его трудности.

А потом к нашей беседе присоединился гость семейства Бубутеишвили – первый вице-президент Национальной федерации баскетбола Украины Зураб Хромаев.

- Я прошу вас ознакомиться с приветствием, которое мы вручили батони Гудже в день юбилея. Думаю, что этот текст от имени благодарных друзей из другой страны должен быть опубликован.

- Вы знаете, если мы будем публиковать все слова благодарности, которые получает Гуджа Бубутеишвили, нам потребуется для этого несколько номеров журнала.

- Я понимаю... Но хочу подчеркнуть, что мы очень благодарны ему за его труд, за его добро. Он вносит огромный вклад в развитие баскетбола в Украине и Грузии и вообще в укрепление грузино-украинской дружбы. Гуджа – очень добрый человек, который хочет, чтобы Грузия была счастливой, а ее народ – богатым.

- Ну что ж, я с удовольствием прочитаю текст вашего поздравления. «Великому грузину в день 65-летия – мудрейшему Элгудже Бубутеишвили, хранителю уникальных коньячных спиртов, из которых он творит прекрасные коньяки, народному дипломату и меценату»... Подписано – Александр Волков, Зураб Хромаев. Все понятно, не убавить, ни прибавить.

- Убавлять не стоит, а вот прибавить можно много...

Нина ШАДУРИ

«Русский клуб» сердечно поздравляет Гуджу Бубутеишвили с юбилеем и от всей души желает здоровья и долгих лет, благополучия и процветания, успехов и удачи!

Владимир Толстой, Гуджа Бубутеишвили, Николай Свентицкий

этом объявлять. Он очень часто оказывал благотворительную помощь инкогнито. Затем он основал специальный комитет под председательством Цхведадзе. Комитет помогал талантливой учащейся молодежи, как особо подчеркивал Сараджишвили, «вне зависимости от национальности» с целью их отправки за границу на учебу. И ежегодно Сараджишвили выделял 30 000 рублей для стипендий. Вообще, он помогал всем. Когда Акакия Церетели спросили о том, как он себя чувствует, писатель ответил: «Узнайте, как себя чувствует Датико. Так и я». Понимаете, в любом его поступке были скромность и доброта. Это ощущали все, и за это его и любили, и уважали. Я вам приведу один пример. Как-то он с женой поездом ехал во Владикавказ. В вагоне разговорились с русской попутчицей. Поезд шел долго, времени для разговоров было много. Познакомились, и новая знакомая спросила, не знают ли они Вану Сараджишвили. Давиду стало очень досадно, он даже рассердился – почему она знает про Вану, которого он, Давид, отправил учиться в Италию, и ничего не знает про него самого? Но он вышел в коридор, подумал и сам себе сказал – я же сейчас просто ненормальный человек, как я мог так среагировать? И за пять минут он пришел в себя, поняв, что, внутренне разозлившись, поступил неправильно. Вот в этом и есть простота. И достоинство. Поэтому, если у нас будут такие деятели, как Давид Сараджишви-

Александр Калягин

ОБРАЗЦОВЫЙ АРТИСТ

Александр Калягин, народный артист РСФСР (1983), лауреат Государственных премий СССР (1981, 1983), председатель Союза театральных деятелей РФ, член Общественной палаты. Награжден орденами «Знак Почета» (1985), «За заслуги перед Отечеством» 4-й (2002) и 3-й степеней (2007).

«Мне 35 лет!», - кричал калягинский Платонов в фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино» Никиты Михалкова, с ужасом понимая, что его жизнь прошла мимо. «Ни черта не сделал» - это станет лейтмотивом жизни самого Калягина, он и сейчас продолжает так жить, стремясь успеть сделать, как можно больше. Хотя им сыграно столько ролей, и каких (!). Он режиссер спектаклей и фильмов, у него множество всякого рода международных и отечественных премий и наград, он создал театр, более 15 лет защищает интересы театрального сообщества России, работает в Общественной палате. И все это он делает образцово, он «образцовый артист» Александр Калягин.

«Образцовый артист» - это сказал о нем Анатолий Эфрос. «Мысль о Калягине пришла от реальной встречи с актером, которого я уверенно могу назвать эталонным, образцовым. Вдруг в один прекрасный день мне стало казаться, что Калягин может сыграть все: и Гамлета, и Федю Протасова, и Оргона», - читаем в книге режиссера «Продолжение театрального романа».

Александр Калягин родился 25 мая 1942 года в эвакуации в маленьком городке, где прожил меньше года, но в Малмыж продолжает приезжать до сих пор, здесь похоронен его отец Александр Иванович Калягин. А еще Александр Александрович частый гость Вятскополянской детской школы театрального искусства, которая носит его имя. Он не только представляет на ее юбилеях и праздниках, но и выплачивает стипендию наиболее талантливым ребятам.

Детство Калягина прошло в Москве в доме №7 Малого Харитоньевского переулка. Здесь с мамой они жили в 11-метровой комнате в коммунальной квартире. Рядом в переулке Стопани находился Дом пионеров, куда школьником бегал он заниматься в детской студии художественного чтения. Неподалеку располагалась Тургеневская библиотека, сюда Саша заглядывал не только читать книжки, но и смотреть телевизор, в доме телевизора не было. Было еще одно любимое место - булочная, где продавались самые вкусные калорийные булочки. И когда через много лет на Тургеневской площади будет построен театр Et Cetera, уникальное по красоте сооружение, в котором реализованы во многом идеи самого Александра Калягина, он признается: «Это чудо! В моем родном городе, на улице, где я бегал мальчишкой, стоит роскошный театр, похожий на волшебный замок, воплотившаяся мечта моего детства».

Александр Калягин был единственным и поздним ребенком в семье. Его отец, декан исторического факультета, умер вскоре после рождения сына, успев лишь дать ему имя. Мама, преподаватель французского (всево она владела пятью языками), после смерти мужа одна поднимала свое единственное чадо. Неудивительно, что все пожелания, все капризы маленького Саши всегда выполнялись. Уже с пяти лет Калягин мечтал стать артистом.

Из его воспоминаний: «С младенчества меня окружала только женская аура, я был обволакиваем лю-

бовью и нежностью. Как мальчик я это чувствовал и сразу садился на голову. А сев, проявлял свой настырный характер. И это при всем при том, что я человек не нахальный, но ленивый. Видно, я рано понял, что кривляние и ничегонеделание - моя стихия. Родные любили меня просто безмерно и были в восхищении от всех моих выступлений».

Школьником Саша читал стихи во Дворце пионеров. Когда стал постарше, начал выступать с чтением серьезной литературы, это было уже в народном театре чтеца Дома культуры медработников. До сих пор с благодарностью Александр Александрович вспоминает Нину Адамовну Буйван, которая учила его искусству художественного чтения, когда он был студентом медучилища, а затем фельдшером «Скорой помощи».

Несмотря на желание Александра стать актером, на домашнем совете мама и тетушки постановили: надо получить «нормальную» профессию. И Александр поступил в медучилище. Окончил его в 1959 году, после чего устроился работать фельдшером «Скорой помощи». Так прошло два непростых года, за которые Калягин узнал, что такое изнанка жизни. После чего он все-таки решил осуществить свою детскую мечту.

В 1962 году Калягин поступил в высшее театральное училище имени Б.В. Щукина при Государственном академическом театре имени Евг. Вахтангова. После окончания училища (1965) Калягин и его супруга Евгения Глушенко были приняты в Московский театр на Таганке. Несмотря на то, что на этой сцене Калягину удалось сыграть несколько достойных ролей (в том числе Галилея в спектакле по одноименной пьесе Б.Брехта, в спектакле «Только телеграмма» В.Осипова и др.), он чувствовал, что не вписывается в театральную эстетику Юрия Любимова. И вскоре, в 1967 году, он неожиданно уходит из сверхпопулярной «Таганки» в Театр имени М.Н. Ермоловой, билеты в который в то время

творческие портреты Александра Калягина, причем в центральных изданиях - газете «Правда», в журнале «Театр» и т.д., в которых именитые критики отмечали талант молодого артиста - такой чести удостаивались немногие.

В 1970 году Олег Ефремов пригласил Александра Калягина в «Современник», а год спустя он оказался во МХАТе им. Горького, куда ушел вместе с Ефремовым, возглавившим прославленный театр. Калягин принял это приглашение с радостью, и не только потому, что Московский Художественный считался «первой сценой страны», но и потому, что лидером театра стал Ефремов, истинный строитель, миссионер и реформатор театра, личность уникальная, огромной творческой и человеческой мощи. Спустя годы Калягин назовет его своим Учителем. Александр Александрович проработал во МХАТе почти 30 лет. За это время им были

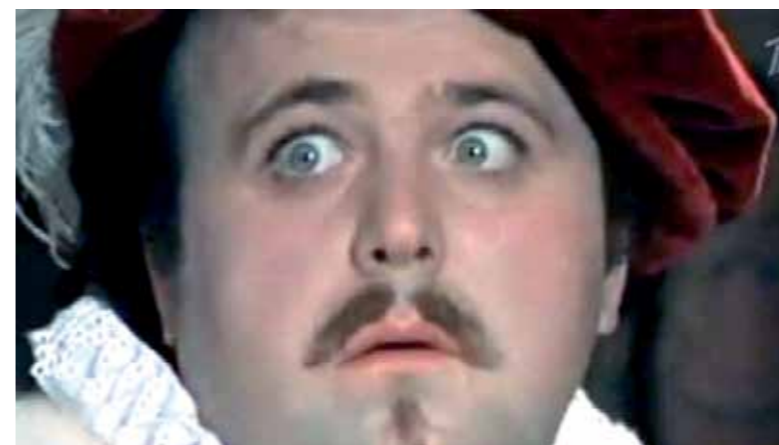
«Здравствуйте, я ваша тетя!»

созданы в спектаклях О.Ефремова и К.Гинкаса замечательные сценические образы, среди которых Тригорин («Чайка» А.П. Чехова), Полуорлов («Старый новый год» М.Рощина), Фроловский («Заседание парткома» А.Гельмана), Симон («Тамада» А.Галина), Леня Шиндин («Мы, нижеподписавшиеся» А.Гельмана), Ленин («Так победим!» М.Шатрова).

В спектаклях Анатолия Эфроса Калягин сыграл две свои блистательные роли: это Оргон в «Тартюфе» Ж.Б. Мольера и Федя Протасов в «Живом трупе» Л.Н. Толстого. В последние годы своего пребывания во МХАТе А.Калягин запомнился в еще нескольких заметных ролях, но в 1991 году его покинул, почувство-

вав, по собственному выражению, «надвигающийся кризис» театра. В 1992 году в первой советской антрепризе «АРТель АРТистов» Сергея Юрского великолепно сыграл Утешительного в «Игроках XXI» по Н.В. Гоголю, в спектакле, всколыхнувшем сонную театральную жизнь Москвы того периода. В 1997 году после долгого перерыва Калягин во МХАТе сыграл Кочкарева в спектакле Романа Козака «Женитьба» Н.В. Гоголя.

В биографии киноартиста А.Калягина особняком стоят две роли, которые сделали его, без преувеличения, всенародно любимым. Это буффонадная, искрометная, дурашливая и бесконечно обаятельная тетка

«Тартюф»

продавались почти исключительно «в нагрузку». Решительный шаг принес победу. Именно в этом театре Александр Калягин сыграл Поприщина в спектакле по «Запискам сумасшедшего» Н.В. Гоголя - роль, которую сам считает началом своей артистической карьеры. После нее А.Роом приглашает его на роль Никона Букеева в фильме «Преждевременный человек» (по М.Горькому). За три года работы в Ермоловском театре им было сыграно несколько интересных ролей, среди них Джим в «Стеклянном зверинце» Т.Уильямса, Ислаев в «Месяце в деревне» И.С. Тургенева и др. Именно в это время появились первые рецензии и даже

больше растерялся – в разбитом шапито на поляне рядом с театром будет разыгрываться некое действие под названием «Праздник шута». Я подумал, а что, если бы мне предложили отметить свой юбилей в такой форме, как будто я не великий артист, сыгравший столько ролей в театре и в кино, а клоун, и я был вынужден себе признаться, что вряд ли мне хватило бы чувства юмора не обидеться, я бы, наверное, даже рассердился... Но через пару дней утром в поисках новостной программы я наткнулся на финальную сцену фильма «Огни большого города». Эту сцену, я уверен, все помнят: бродяга только что вышел из тюрьмы, в которой он оказался из-за девушки, и он встречает ее... Вот еще один великий шут, - подумал я, не сумев сдержать своих слез. Это кадр с необъяснимыми глазами Чаплина достоин всех трагиков мира. Так что справить юбилей как скомороху, на самом деле, это большой почет».

Наверное, для Александра Калягина эти слова его любимого режиссера Роберта Стуруа важнее всех сказанных и всех написанных хвалебных критических описаний. Чарли Чаплин с детства был его кумиром, он в него влюбился, увидев по телевизору семилетним мальчиком. Свой восторг перед гением Чаплина сохранил до сих пор, сегодня в кабинете художественного руководителя театра Et Cetera висит портрет Чарли Чаплина.

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ

Дорогой Александр Александрович!

Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Не время подводить итоги. Но нельзя не сказать о том, что Ваша жизнь, Ваша судьба – это пример настоящего служения искусству, служения преданного, постоянного, без измен. Нам, грибоедовцам, это не только близко, но и понятно – мы тоже стараемся хранить верность нашему дому – театру, и может быть, поэтому он еще продолжает стоять, качается, но не рушится.

И в тяжелые минуты, когда кажется, что больше нет сил, что многое тщетно, достаточно вспомнить, что в Москве живет и работает наш любимейший Александр Александрович Калягин. И каждый день на протяжении 16 лет неизменно заступает на пост председателя Союза театральных деятелей, и каждый день входит в свой театр Et cetera, который в этом году отмечает свое 20-летие. И продолжает творить чудеса – преодолевает непреодолимое, помогает там, где, казалось бы, помочь невозможно, создает то, что вроде бы создать немислимо. И не поддается никаким сиюминутным соблазнам, и не берет его никакое искушение.

Именно поэтому Вам удалось стать образцом мастерства – в профессии, чести – в жизни, надежности – в дружбе, верности – в любви. Благодаря Вам хочется работать больше и жить дольше. Будьте здоровы, будьте благополучны! Долгих Вам лет – в профессии, с семьей, с друзьями, с поклонниками, со всеми нами!

**Николай Светицкий,
директор Тбилисского государственного
академического русского
драматического театра
имени А.С. Грибоедова,
заслуженный деятель искусств РФ**

сера В.Титова и невероятный Павел Иванович Чичиков в пятисерийной телевизионной версии «Мертвых душ» Н.В. Гоголя режиссера М.Швейцера.

В 1992 году Калягин создал собственный театр и назвал его Et Cetera. На своей сцене он выступает и в качестве постановщика и как актер.

Роберт Стуруа вспоминал: «Когда мне показали плакат с шаржем Юрия Богатырева, на котором изображен Калягин в роли Оргона, я подумал как-то это странно. Конечно, «Тартюф» Анатолия Эфроса был великим спектаклем, но почему на плакате и на пригласительном билете к юбилейной выставке великого артиста должен быть изображен шарж? А когда мне рассказали про замысел праздничного вечера, я еще

Анна Кереселидзе-Перекрест

КОНЦА УРОКАМ НЕТ...

Последний звонок в московской школе №1331, находящейся в центральной части города, проходит так же, как и во всех других школах столицы России: наряженные выпускники готовят концертные номера, родители волнуются, а на лицах учителей – слезы радости и сожаления одновременно. Радость за учеников, у которых отныне начинается по-настоящему взрослая жизнь и свободное плавание, а сожаление из-за грусти от вынужденного расставания...

Но у средней общеобразовательной школы №1331 имеется своя особенность... Школа эта – не простая, у нее есть этнокультурный (грузинский) компонент образования, а также богатая история. Есть и свои традиции. Так, например, каждый школьный праздник сопровождается грузинскими народными песнями и танцами. Разумеется, и последний звонок не обошелся без картули и мхедрули, песенного многоголосия и аккордеона.

Всякого заходящего в холл этой необычной школы встречают портреты героев Отечественной войны 1812 года – генерала-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова и генерала Петра Ивановича Баграциона. В год 200-летия славных подвигов русской армии в период борьбы против французских агрессоров это особенно актуально. На соседней стене висит герб Москвы; Святой Георгий Победоносец – символ Грузии – поражает змия. Рядом – шкаф, за стеклом которого представлены экспонаты школьного музея: русский и грузинский национальные костюмы, государственные флаги России и Грузии, предметы обихода. Вот так происходит воспитание подрастающего поколения: каждый день по пути в столовую дети видят рядом, например, сванскую шапку и павловопосадский платок или фотографии, на которых вместе запечатлены москвичи и тбилисцы. Да и как не стать толерантным в многонациональной Москве?!

Школа №1331 – островок дружбы. В ней обучаются дети разных национальностей: русские, грузины, азербайджанцы, украинцы, белорусы, армяне, абхазы, осетины, ассирийцы. После окончания школы все они приложат силы для процветания тех стран, в которых будут жить и работать. Для большинства из них это – Россия и Грузия.

В школе два выпускных класса (11«А» и 11«Б»). Выпускающие педагоги – Лали Мгалоблишвили и Малхаз Миминошвили – обнимали учеников, говорили им напутственные слова. Директор школы Анна Кереселидзе-Перекрест сказала: «В этом году нашей школе исполняется двадцать пять лет. Многие наши выпускники

продолжают обучаться в самых престижных вузах, становятся яркими и успешными личностями. Мы не расстаемся со своими выпускниками, они всегда остаются с нами, рано или поздно навещают нас, став уже взрослыми».

Место проведения праздника в этом году перенесли из актового зала на школьный двор, поэтому прощальный звонок встретили на открытом воздухе. Шатер для сцены и зрителей расположили между спортплощадкой и школьной клумбой. Ласковое майское солнце смеялось солнечными зайчиками в глазах собравшихся, звало в приближающееся лето. Повсюду висели желтые и фиолетовые воздушные шары. На асфальте были раскатаны ковры, а вокруг шатра были расставлены рамы с репродукциями гравюр, иллюстрирующих «Витязя в тигровой шкуре» Руставели. Выпускники фотографировались, стараясь сохранить этот день для будущих воспоминаний.

Вся концертная программа была подготовлена силами самих учащихся. В том числе и живая музыка. Ребята читали стихи, танцевали, пели... Интересно отметить, что поддержать молодых соотечественников приехал и грузинский исполнитель и мультиинструменталист Дато Худжадзе. В школе учатся дети, родители которых, в основном, приехали в Россию работать. Некоторые трудятся и проживают давно, у других контракты на несколько лет. Можно считать, что большинство учащихся попали именно в эту школу «по семейным обстоятельствам». Но для всех родителей было принципиально важно, чтобы их дети оставались в лоне родного языка (в школе учат грузинский язык) и имели возможность интегрироваться в русскую языковую и общенациональную культуру.

К слову, из 47 выпускников этого учебного года 19 мальчишек и девчонок поедут в Грузию, чтобы поступить в высшие учебные заведения на родине, в Батуми и Тбилиси. Педагог грузинского языка и литературы Динара Дангадзе утверждает, что, несмотря на малое количество часов еженедельных занятий родным языком, все ребята владеют грузинским языком прекрасно. Никаких сложностей с поступлением в вузы Грузии у них быть не может. Беседуя с корреспондентом журнала «Русский клуб» Динара Дангадзе высказалась весьма поэтично: «Желаю выпускникам самое главное – здоровья, счастья и удачи! И, конечно, любви к Родине! Пусть на своем пути они никогда не растеряют веры в себя!»

Герман ВЕЛЛИНГ

Мир балета представляется многим чем-то белым, светлым, легким и на пуантах. Убедиться в этом утверждении еще раз можно было не так давно. На большой сцене Грибоедовского театра прошел выпускной вечер Тбилисского государственного училища балетного искусства им. В.Чабукиани.

На сцене сменяли друг друга еще совсем маленькие и те, кто на будущий год будет танцевать в балетной труппе Тбилисского оперного. А может, и не только тбилисского.

Программа вечера составлена на любой, даже самый взыскательный вкус. Вот полька-мазурка, вальс, танго и па-де-труа, и здесь же – модерн и грузинский танец.

Запомнились девочки в белоснежных пачках и характерный артист в роли Арлекина, который в июне едет на конкурс в Финляндию. Здесь же выпускницы во фрагменте из балета «Ундина» - хоть завтра выпускай на сцену.

Во втором отделении все воспитанники представили балет «Доктор Айболит» И.Морозова.

Все до единого буквально купаются в музыке. Модерн и классика. Старое и новое. Можно без преувеличения сказать, что воспитанники хореографического училища получили боевое крещение в стенах Грибоедовского. Первый успех, первые восторги.

История Тбилисского хореографического училища начинается в 1916 году, когда известная в Тифлисе танцовщица Мария Перини открыла здесь балетную школу. Впоследствии ее воспитанники стали легендами. Назвать хотя бы основоположников грузинского классического балета Вахтанга Чабукиани и грузинского национального балета Нино Рамишвили. И еще выдающихся танцовщиков и хореографов – Марию Бауэр, Тамар Чабукиани, Георгия Алексидзе.

А в 1934 году при Тбилисском театре оперы и балета была создана хореографическая студия, которую возглавил Д.Джавришвили. Два года спустя оба этих училища объединились. В 1950-1972 гг. хореографическим учили-

щем руководил Вахтанг Чабукиани, имя которого присвоено учебному заведению сегодня.

Последние восемь лет Тбилисским государственным училищем балетного искусства им. В.Чабукиани руководит прима-балерина **Нино Ананишвили**. О новшествах в учебной программе и вечных ценностях классического танца она побеседовала с корреспондентом «РК».

- Я не устаю ни от зала, ни от репетиций, так, как от административной деятельности, - говорит калбатони Нино, когда мы сидим в ее «келье» - это и гримерная, и кабинет, и комната для гостей, - это такой прессинг. Ответственность. Ладно, давайте начнем.

- Мы видели замечательный выпускной ваших воспитанников. Такой яркий и запоминающийся. Как вы думаете, чем отличается хореографическое училище имени Чабукиани сегодня от тех времен, когда вы в нем учились?

- Мне трудно сказать. Детские воспоминания это одно. Каждое поколение разное. Как говорили наши мамы – и собаки в наше время лаяли лучше. Но отличия, безусловно, есть. Могу сказать, что условия наших детей сегодня комфортнее. Потому что когда я училась, у нас был один большой зал, а все остальные залы – это коридоры переделанные. В Тбилиси ведь не было построено специально оборудованного здания. Сейчас мы пока находимся в перестроенном для балетных залов здании, там высокие потолки. Я надеюсь, что когда-нибудь моя мечта свершится и у нас будет хореографическое училище, построенное как полагается.

- А как изменилась учебная программа?
- В этом смысле есть улучшения. Я внесла небольшие перемены, только потому что вагановская система,

по которой мы занимаемся, хорошо работает. Я ввела предмет актерского мастерства. А сейчас хочу сделать еще больше – открыть театральное отделение. Эта идея у меня появилась, потому что многие наши девочки поступают в театральные. Движение, пластика у нас совершенно другие.

Я ввела сценическую речь, актерское мастерство. Я думаю, современному актеру мало говорить, он уже должен и петь, и танцевать. А добавив эти необходимые предметы в нашу программу, мы увеличиваем возможности наших учеников.

- Кроме того вы ввели в программу одно из китайских боевых искусств. Для чего это нужно артистам балета?

- Да, я ввела в программу тай чи. Это позволяет ребятам укреплять ноги и спину, но делать это плавно и постепенно. Когда я только приехала, я заметила, что многие ученики жаловались на боли в спине и ногах. На вопрос, почему так происходит, мне сказали, что большинство, для развития гибкости, занимается гимнастической растяжкой, а это оставляет травмы на всю жизнь. В тай чи мне нравится мягкий шаг с плавными движениями, которые позволяют сохранять равновесие при всех движениях.

- А есть ли что-нибудь, с чем вы не согласны, как руководитель училища?

- Единственное, чему я не очень рада, это тот факт, что нашим ученикам нужно учить математику, физику, химию. Понимаете, если наше училище специализированное и единственное во всей Грузии, и мы после 9-го класса принимаем учеников, все из которых гуманитарии, то мне кажется, что заставлять их учить естественные науки, значит, тратить их время. Мне жалко этого времени. Правда, мне доказывают, что они должны получить общее базовое образование. Но у наших учеников совершенно другие нагрузки. Ведь они вместе с тем, чему учат во всех общеобразовательных школах, получают и театральное образование – это классический танец, характерный танец, грузинский танец, история театра, история балета. Дети заканчивают занятия в восемь вечера. Хотя примеры были, и мне это лестно и приятно – пару лет назад мои девочки поступили на юридический и на медицинский. Данные в балете или форма у них были недостаточными, и они решили поменять профессию. Я хочу сказать, что поступая в хореографическое училище, необязательно становиться танцором. Школа дает образование, позволяющее заниматься другой профессией.

- Балетная труппа Тбилисского театра оперы и балета им. З.Палиашвили, которую вы возглавляете, уже второй сезон гостит на большой сцене грибоедовцев. Каково выступать на «небалетной» сцене?

- Я приняла большое участие в том, чтобы открылась большая сцена театра Грибоедова. Сцена очень удобная. Иногда зритель больше любит такую сцену, она более интимная. К моему большому сожалению, там нельзя посадить оркестр, сцена на это не рассчитана. Зато с любого зрительского места ее видно очень хорошо. Размеры зрительного зала по сравнению со сценой идеальные. Конечно, для балета с большими громоздкими декорациями сцена немножко мала. Но современные программы идут отлично. Я говорю, какое счастье, что у нас есть сцена, на которой мы можем выступать.

- А как обстоят дела с ремонтом вашего родного оперного?

- Насколько я знаю, театр должен быть готов в 2013 году. Я всегда говорю, что для артистов балета, как для футболистов, нужен стадион, площадка для постоянных занятий. Можно дома репетировать на рояле, а потом

выйти на сцену и сыграть. А танцевать балет дома нельзя. Нам нужен простор, мы должны бегать, двигаться.

- Сколько сейчас артистов в балетной труппе театра?

- Около 70-ти. Сейчас их число сократилось, потому что мы не играем больших спектаклей. Но я считаю, что оптимально иметь в труппе около 80-ти артистов. Вот сейчас три человека болеют, а пятеро в декрете, и уже сложно ставить большие спектакли. Был период, когда у нас двадцать танцовщиц одновременно ушли в декрет. Преставляете себе кордебалет, в котором не хватает двадцати человек.

- Как вы думаете, частые гастроли – это хорошо или плохо?

- В год два раза у нас большие гастроли. Как, например, Япония, куда мы едем, как только завершим сезон. И маленькие выезды – на фестивали, юбилеи. Мы периодически показываемся. Я думаю, что частые гастроли разбалтывают труппу. Большие гастроли в год, в два года раз – это нормально. Даже полезно, потому что ты показываешь себя, заряжаешься новой энергией. Ведь говорят, что гастроли – это всегда премьера, потому что играешь для нового зрителя. Я думаю, гастроли важны еще и потому, что ты показываешь свою культуру. Понятно, что наша национальная культура уникальная, самобытная, древняя. Но и в классическом жанре мы показываем свои возможности. Люди на Западе иногда удивляются – у вас классическая культура на таком высоком уровне, вы и это умеете!

- Что везете в Японию?

- Будем танцевать балеты Эштона, Килиана и Ратманского. Знаете, у меня такой напряженный график получился в этом месяце. Я сейчас еду в Финляндию на конкурс, где буду членом жюри. К моей большой радости, от Грузии выступают двое наших учеников. А потом еду в

Вариация из балета «Арлекиада»

Украину, буду танцевать «Лебединое озеро» с Денисом Матвиенко целых девять раз.

- В среднем сколько выпускников хореографического попадают в вашу труппу?

- Немногие. В этом году у нас получился скорее характерный выпуск. Посмотрим в сентябре, как они себя покажут. Еще у меня в труппе проблема пенсии. В балете на пенсию уходят после двадцати лет на сцене. В 38 лет у нас уходят на пенсию. Я давно уже пенсионерка. Как-то в Москве прихожу в Сбербанк, чтобы оформить пенсионную книжку. И вдруг женщина за стойкой как завопит:

Па-де-свят из балета «Корсар»

«Ниночка! Какая тут может быть пенсия!» Я говорю: «Я двадцать лет отработала». А она: «Бог ты мой, не может быть, мы только вчера вас видели на сцене!»

- Что вы считаете главным в профессии?

- Профессия наша очень тяжелая. Ответственная, трудоемкая. Но если ты любишь ее, то только тогда получаешь удовольствие. Я всегда говорю, что каждый артист кордебалета – часть этого большого праздника. Каждый из них солдат и каждый на своем месте. И как вы понимаете, есть кордебалетные девочки, которые задают настроение спектаклю, и я их ценю даже больше. Они очень добросовестно относятся к своей работе, хотя знают, что никогда не получат главную роль. Ведь красивее слаженного танцующего кордебалета ничего не может быть. Эта удивительная ансамблевая красота.

- Расскажите о Фонде вашего имени. Какими проектами он сейчас занимается?

- Фонд маленький, он существует около шести лет. Я бы хотела особо поблагодарить моих друзей и коллег. Мы в меру своих сил устраиваем гала-концерты, и буквально каждый зритель становится нашим спонсором. Мы, в основном, помогаем детям, которым нужны операции. Я пытаюсь хотя бы несколько раз в год провести спектакль, в котором мои друзья принимают участие без гонораров. И на собранные средства мы помогаем людям. В ближайшее время я хочу провести спектакль и профинансировать двум детям операции. Это, может быть, небольшие деньги, но в какой-то степени мы спасаем жизни. Или например, к нам приезжали педагоги, которые не взяли гонорар, и на эти деньги мы выкупили у банка квартиру для многодетной семьи. К сожалению, мы не можем помочь всем. Но самое обидное, что попадают люди, которые занимаются аферами. Ведь для другого человека эти деньги стали бы спасением. Так что теперь директор моего фонда тщательно все проверяет, чтобы мы помогали действительно нуждающимся. Думаю, я с удовольствием делала бы больше.

- Не так давно вы вместе с супругой экс-посла США

Мариэллой Тефт создали фонд «Друзья грузинского балета» («Friends of Georgian Ballet»). Он больше занимается образовательными проектами, не так ли?

- В этот фонд входят, в основном, иностранцы. Он финансирует учебу детей на подготовительном отделении в хореографической школе. А еще мы ежегодно посылаем на конкурс танца в стиле Бурнонвиля в Биаррице наших артистов и студентов. И они настолько успешно выступают, что их уже стали приглашать. Фонд частично оплачивает транспортные расходы. Это настоящая помощь. А у ребят появляется реальный шанс.

- Правда, что начинать танцевать никогда не поздно?

- Ну, как сказать. К нам пришло шестеро ребят старше 16 лет, в основном, из грузинских танцев. Но они так стараются, что мы их уже начинаем ставить в кордебалет. Я хочу сказать молодым, которые думают что балет – очень женственный. Поверьте, это самая мужественная профессия. Здесь нет границ, хотя бы потому, что нет языкового барьера. Если ты хорош, ты хорош везде. Поэтому я и хочу сделать театральный факультет. С драматическим образованием у них больше шансов. В последние годы восстанавливаются театры в регионах.

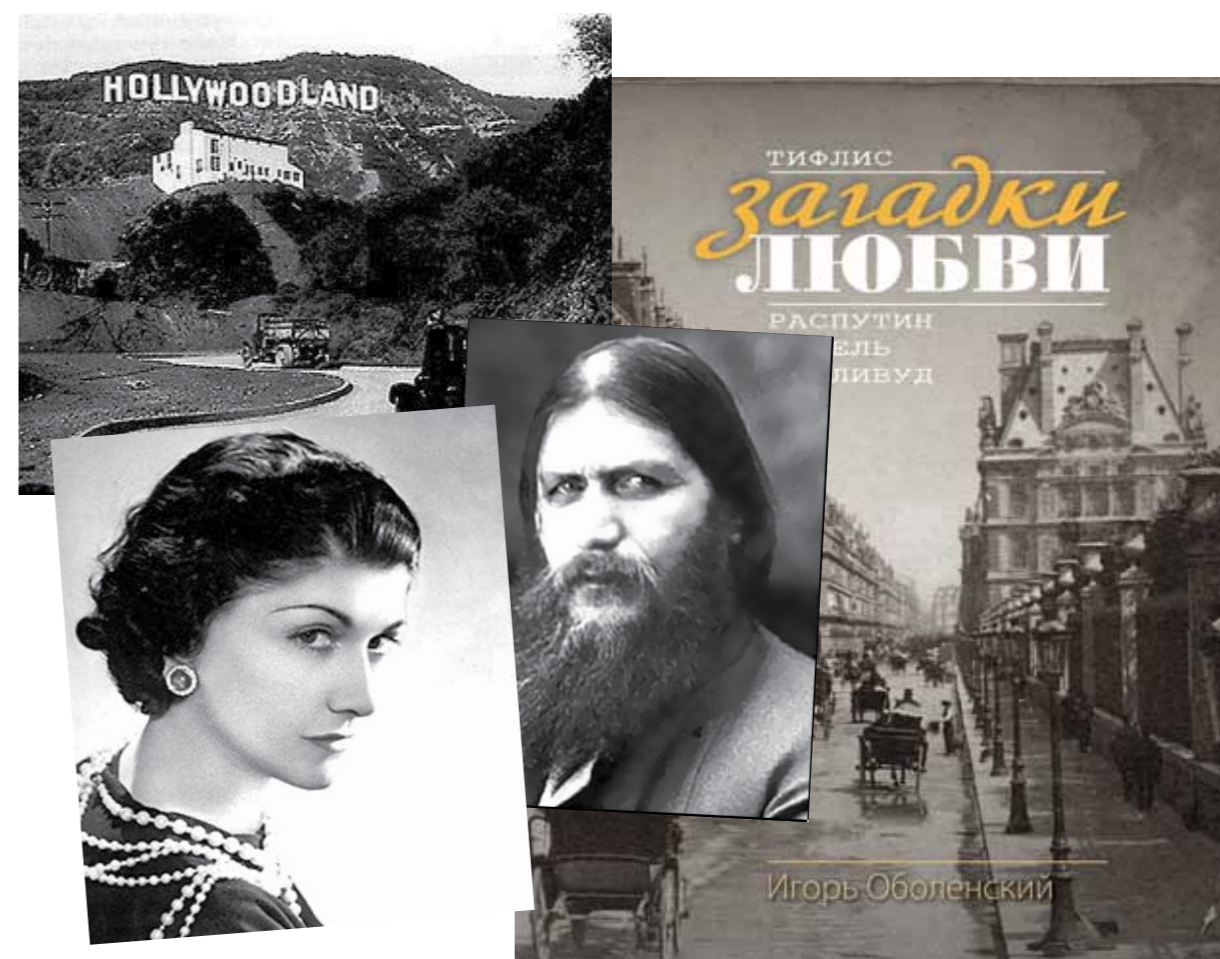
Сцена из балета «Доктор Айболит»

Не все же должны работать в столичных труппах. Вы не представляете, какой благодарный зритель в регионах. Мы в этом сезоне ездили в Кутаиси, Поти, Гори и Телави. Как нас принимали! В Поти мы танцевали прямо на улице. Но таких аплодисментов мои артисты, по-моему, никогда не получали.

- Что бы вы пожелали вашей труппе под занавес сезона?

- Развития, много зрителей, успехов. Это безусловно. Возвращения в наш родной дом. Чтобы мы там сделали много интересного. Я хочу, чтобы из них выросли хореографы и педагоги, которые продолжают наше дело. И еще, это очень важно, я хочу, чтобы молодежь стала по-другому относиться к театру вообще. Театр всем понятен и всем доступен. Я намеренно не поднимаю цены на билеты, зачастую в ущерб себе. Я просто хочу помочь. Иногда бывает, что это не оценивается и становится обидно. Но я это делаю ради будущего, ради наших учеников. Мои подруги смеются: «Мы приходим на спектакли с внуками, а ты все те же балеты танцуешь».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

«ЗАГАДКИ ЛЮБВИ» И НЕЧТО САКРАЛЬНОЕ

Спору нет, все люди разные. Но не поспоришь и с тем, что национальные особенности характера все-таки существуют.

Грузинское легкомыслие уже давно вошло в поговорку. «Я легкомысленный грузин», - признавался, например, Булат Окуджава. А вот как характеризует жителей Грузии энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «По физическому типу грузины являются одним из красивейших народов на Кавказе. Грузины отличаются веселым, общительным и симпатичным характером; они привязаны к отечеству и привержены к старине, к древним преданиям и обычаям; доверчивы и откровенны; легковверны иногда до легкомыслия; добродушны, впечатлительны, гостеприимны; любят песни, танцы и зрелища... и с удовольствием веселятся в кругу знакомых».

И хотя сегодня капитализм, так сказать, все тверже заявляет о своих правах, и серьезных деловых людей появляется все больше, извечная беспечность и небрежность нет-нет да и дадут о себе знать. Стыдно, соотечественники! Мы зачастую не смотрим себе под ноги и топчем сокровища своей истории. Но российский журналист и писатель Игорь Оболенский бережно собрал

эти сокровища, очистил, огранил и подарил нам же. В своих книгах и фильмах он запечатлевает историю Грузии XIX-XX веков, рассказывая о необыкновенных людских судьбах. И эти судьбы теперь уже навсегда принадлежат истории человеческой красоты и достоинства.

Оболенский – не первопроходец в своем отношении к Грузии, которую любили и о которой писали чуть ли не все деятели культуры, побывавшие на этой земле. Но Оболенский – первооткрыватель. Он пишет только о том, что узнал сам, о чем до него не писал никто. И это уже совсем особое дело – история наших предков от Оболенского.

Наши предки... Они умели быть великими, не замечать своего величия и не делать ничего для того, чтобы это величие сохранить. Они просто жили так, чтобы их жизнь была в радость другим. Да и им самим. Но последнее – как получится. В XX веке жить себе в радость чаще всего не получалось.

Об этом книги и фильмы Игоря Оболенского «Судьба красоты. Истории грузинских жен», «Цена чести. Истории грузинских мужей», «Сказки Пиросмани», документальный сериал «Загадки Грузии», авторская радиопрограмма «Легенды о любви», документальные фильмы

«Бабо» о судьбе княжны Бабо Дадияни и «Моя Софи-ко», посвященный Софи-ко Чиатурели... А вскоре увидит свет новая книга – «Загадки любви. Распутин. Шанель. Голливуд», очередное увлекательное повествование, на сей раз – о трех мировых легендах, трех мифах, объединенных, в том числе, и судьбами выходцев из Грузии, которые завоевали мир, сражаясь за любовь, покоряясь страстям и отдавая себя тем, кого любили.

Из авторского предисловия: «В «Загадках любви...» по-новому открываются известные, казалось бы, «от» и «до» истории Григория Распутина, Габриэль Коко Шанель и звезд Голливуда. В окружении каждого из них, в том числе и в высшем свете Голливуда, находился грузин, который оказал значительное влияние на историю. Для Григория Распутина таким человеком стал являвшийся негласной «правой рукой» старца князь Михаил Андроников, который приложил все усилия для того, чтобы дни Распутина оказались сочными... Глава, посвященная Коко Шанель, рассказывает о входивших в ближний круг великой мадемуазель моделях Мери Шарвашидзе, Анне Чавчавадзе, Мелите Чолокашвили и Лилии Зеленской, художниках Александре Шарвашидзе и Илье Зданевиче и просто близких друзьях Коко – Русудан Мдивани, Жорже Баланчине.

Третья часть книги, посвященная завоеванию выходцами с Кавказа Голливуда, содержит сенсационные истории о грузинских князьях Арчиле Чкония и Дмитрие Джорджадзе, а также режиссере Рубене Мамуляне, которые заставили говорить о себе весь Голливуд.

Герои книги стали ближайшими друзьями Кларка Гейбла и Грейс Келли, Марлен Дитрих и Дугласа Фербенкса, Греты Гарбо и Рональда Рейгана и других легенд Голливуда.

Издание содержит уникальный иллюстративный материал – письма героев и около 150 фотографий, большая часть которых впервые становится достоянием общественности».

Написать рецензию на книги Оболенского сложно. Ну, подумайте сами, можно ли отрецензировать путешествие на прекрасном корабле по чудесной реке? Нет, в путешествие надо отправляться самому. Так и здесь – книги Оболенского вы должны прочитать сами.

Что завораживает в этих историях? Яркие характеры и личности. Неизвестные события и сюжеты. Трагические и счастливые судьбы.

Оболенский – писатель со своеобразным зрением. Присматривая себе героя, он очень дальновзорок – замечает только тех персонажей, которые видны издали. А выбирая детали, становится близоруким – приглядывается близко-близко, и потому обнаруживает те мелочи, мимо которых с легкостью проскакивают другие.

А что приятно поразит в авторе? Дотошность исследователя, деликатность собеседника, беспристрастность летописца, а главное – бесконечная дружеская щедрость, желание поделиться тем, что он узнал о вас же самих и чего вы, скорее всего, не знали. И все это делает общение-чтение незабываемым. Потому что Игоря Оболенского объединяет с читателем общее чувство – желание любить и помнить, как пишет сам автор, «великих грузин, оказавшихся, по воле случая, в ближнем круге легендарных персонажей столетия и сумевших покорить мир».

Мы беседовали с Игорем Оболенским в одну из многих свободных минут, когда у него выдалось «окно» между поездками, выпусками новостей культуры на канале ПИК, работой над новыми книгами и фильмами...

- Совершенно неожиданно для себя я сделал документальный фильм. Матвей Ганапольский попросил меня подготовить сюжет о Софи-ко Чиатурели для программы «Цивилизация», и пятиминутный сюжет вырос в десятиминутный фильм – с фантастическим рассказом Нани Брегвадзе, замечательным монологом Ники Шенгелая. Кстати, вы можете запросто его посмотреть – он выложен на моем сайте igorobolensky.com. Именно эта картина – «Моя Софи-ко» - открывала вечер памяти актрисы в Москве.

- *Расскажите о вашем знакомстве с Софи-ко.*

- Она была и остается одной из моих самых любимых актрис. Понятно, что у нее много картин, но я очень люблю ее роль в фильме «Ищите женщину». Мы познакомились в Москве, на фестивале «Лики любви». Она назначила мне встречу в номере гостиницы. Переступив порог номера, первым я увидел Котэ Махарадзе, который пожал мне руку и извинился, что не может уступить нам номер для беседы, так как по телевизору начинался какой-то важный футбольный матч. Поэтому свое первое интервью с Чиатурели я записал в холле, у лифта, под звуки открывающихся-закрывающихся дверей. Но через три минуты я этот шум лифта вообще перестал замечать. И мне кажется, что Софи-ко тоже. Она так интересно и откровенно рассказывала про детство, влюбленность в Солико Вирсаладзе, Верийский квартал, Верико Анджапаридзе, Абхазию... Прошло время. Я часто звонил Чиатурели, поздравлял ее со всевозможными праздниками, втайне преследуя, признаюсь, корыстной целью – получить приглашение в гости. Мне так хотелось приехать в Тбилиси! И я это приглашение получил. Все было фантастически. Я жил в гостинице «Старый Метехи», а там такой вид! На Песках тогда еще были рестораны, я это застал – видите, я уже как старожил говорю... Стояла чудесная тбилисская осень, я бродил по улицам одного из самых красивых городов мира и чувствовал, что совершенно счастлив. Собрался в гости к Софи-ко, хотел было назвать таксисту записанный на листочке адрес, а он удивился: «Да вы что, какой адрес, все и так знают, где она живет». А инициалы С.Ч. и имя Софи-ко стали для меня сакральными. Мистика в том, что в моей жизни произошла передача эстафеты: от С.Ч. к С.Ч., от Софи-ко к Софи-ко. Женщина, благодаря которой я приехал в Тбилиси, - Софи-ко Чиатурели. Та, благодаря кому я остался, - Софи-ко Чкония, моя жена. А в тот мой приезд я привез одноактную пьесу, которую написал с тем, чтобы ее сыграла Чиатурели. Но она мне сказала: «Я ухожу. И не хочу, чтобы зрители меня видели такой, как сейчас. Пусть меня запомнят такой, какой я была».

- *Так и сказала?*

- Да. Это было осенью 2007 года. Я не знал, что она уже неизлечимо больна. Мне сказали, что она умирает... Это было ужасно. А Нани Брегвадзе до сих пор вспоминает ее со слезой и переживает, что Софи-ко не берегла свое здоровье.

- *Алла Сурикова, режиссер фильма «Ищите женщину», рассказывала, что единственной проблемой на съемках были руки Софи-ко – их нельзя было снимать крупным планом. Это были рабочие руки женщины, которая все делает сама.*

- Однажды журналистка спросила, как проходит ее день? Софи-ко начала рассказывать: я просыпаюсь, делаю массаж, пока читаю газеты и пью кофе, мне делают педикюр... Журналистка поняла, что с ней говорят не серьезно, когда Софи-ко сказала, что перед сном принимает ванну из шампанского. Нани Брегвадзе называла

ее «Софи-ко-агмашенебели», то есть строительница. Софи-ко соглашалась и говорила: «Я не актриса, а прораб».

- *А какую пьесу вы написали для нее?*

- Жила в Венеции фантастическая женщина – маркиза Луиза Казатти. Носила каблуки из бриллиантов, выходила на прогулку с леопардами, ошейники которых были изготовлены из платины и изумрудов. Жила в палатке, где сейчас расположен музей Пегги Гугенхайм. На площади Сан-Марко устраивала балы, которые, кстати, приносили большой доход государству, поскольку огромное здание на Сан-Марко арендовалось желающими увидеть яркое зрелище. Каждый вечер маркиза перекрашивала слуг в зависимости от праздника, который устраивала – то они были золотые, то серебряные... Наряды для нее придумывали Бакст и Пикассо. У нее

С Католиком-Патриархом всея Грузии Илией II

бывали Дягилев и Нижинский. Юсупов и Дункан оставили о ней воспоминания. Написано 130 ее портретов. Между прочим, маркиза была известным меценатом, поддерживала многих деятелей искусства. А закончила свою жизнь в Лондоне, в бедности... Можно рассказывать бесконечно. Луиза Казатти, невероятно богатая и невероятно интересная, была женщина-театр. Моя пьеса называется «Ночи маркизы». Это моноспектакль, монолог героини. Как мне хотелось, чтобы ее сыграла Софи-ко Чиатурели...

- *Видимо, тем не менее, эта пьеса ждет своего часа.*

- Очень ждет. Вы знаете, что по моей книжке «Сказки Пиромани» был поставлен трогательный спектакль с участием юных артистов студии «Золотое крыльцо» при Грибоедовском театре. Я испытал такое счастье во время представления. Когда слышишь, как со сцены произносятся написанный тобою текст, видишь, как твоя книга становится спектаклем – это ни с чем несравнимое чувство.

- *Так, может быть, постановка «Ночей маркизы» не за горами?*

- Это моя мечта.

- *Расскажите о вашей новой книге – «Загадки любви...»*

- Я никак не мог поставить точку в этой книге. Я все время продолжал ее писать и дописывать. К примеру, когда книга была, в принципе, закончена, я поехал в Париж и повстречался с племянницей моей героини леди Детерлинг. Потом я поставил точку в очередной раз, и тут меня пригласили на встречу с праправнучкой императора Николая I, чей сын – великий князь Михаил Николаевич был наместником на Кавказе, и у которого служил отец Михаила Андроникова, еще одного моего героя. Благодаря этой встрече я многое узнал и понял

С Александрой Чавчавадзе

про тот образ жизни, который вел ее прадед... Затем последовали новые события. Одну из моих героинь зовут Мелита Чолокашвили, она была музой поэтов Серебряного века, моделью Коко Шанель. И у нее была очень красивая дочь – Лилия Зеленская. Просто невероятная красавица. Она изображена на обложке французского издания книги «Судьба красоты». У меня было мало информации о ней. И всего лишь три фотографии. Но, правда, эти фотографии делал Фаас Хорст. Это все равно, что мой или ваш портрет написал бы Сальвадор Дали. Недавно у меня дома раздался звонок – меня разыскала Нино Чолокашвили – племянница Мелиты, двоюродная сестра Лилии. Я пришел к ней в квартиру на улице Грибоедова и увидел, что все стены завешаны фотографиями Лилии. Те, что опубликованы в моей книге, жалкий лепет по сравнению с теми, которые я получил сейчас... Оказывается, Лилия умерла в прошлом году. Ей было 90 лет, и она была прекрасна. Последний раз в Тбилиси она приехала десять лет назад, и Нино мне рассказала, что когда они с ней зашли в магазин «Ici Paris» купить духи, молодые продавщицы замолчали и уставились на нее во все глаза. Обслужили, как замороженные. Когда они уходили, одна из них подбежала к Нино и спросила: «Скажите, пожалуйста, кто эта женщина?» Вот такая харизма... Кстати, Лилия жила тем, что продавала свои фотографии на аукционах – настолько они были бесценны. И еще одна история. Я писал, что Илья Зданевич уехал в Париж, сотрудничал с Шанель, а Кирилл в доме Чолокашвили на Грибоедова познакомился со своей будущей женой... Честно признаюсь, написал немного наугад. Но оказалось, что я был прав! Когда я спросил у Нино, могло ли это быть, она ответила, что не «могло быть», а было. Отодвинула занавеску и показала балкон, на котором это знакомство и состоялось. А недавно я получил письмо от сына Элен Дуар, последней жены Ильи Зданевича. Он прислал несколько эскизов, которые Ильязд сделал для Шанель. Все эти материалы войдут в книгу, которая получается абсолютно уникальным, эксклюзивным изданием. Короче говоря, в результате всего этого я понял, что точку в книге «Загадки любви» ставить не могу и не буду. И я поставил многооточие... Кстати, могу похвастаться: вся трилогия – «Судьба красоты», «Цена чести» и «Загадки любви» - выходит в России, в издательстве «ДоМира», и о них узнает, наконец, самый широкий читатель. Единственным моим условием было, чтобы первая презентация «Загадок...» состоялась в Тбилиси.

- *Помните, мы с вами говорили о том, что вы как будто стали подманивать к себе новую информацию и на вас прямо-таки посыпались открытия, неизвестные*

С Нани Бреговдзе

сведения, уникальные документы? История словно чувствуется ваш интерес и сама притягивается к вам...

- Да, это просто удивительно.

- Почему именно к вам подманиваются все эти сведения? Наверное, все дело в любви. У вас ведь все тут по любви началось – и «роман» с Грузией, и жена, и сын...

- А я скажу проще. Понимаете, на самом деле я не беру лопату и не откапываю глубоко спрятанное. Я просто внимательно смотрю по сторонам. Это любой может сделать. Может быть, просто у других нет достаточно сильного интереса? А у меня есть.

- Вы только что вернулись из Сигнахи...

- Мы снимали там серию, которая будет называться «Покорить Голливуд» - историю князя Дмитрия Джорджадзе. Кстати, знаете, как этот герой у меня появился? Я получил письмо от девушки, которая оказалась его племянницей и спрашивала меня, слышал ли я что-нибудь о нем. Я про него ничего не знал. А ведь он воспитал Павла – сына великого князя Дмитрия Павловича Романова, поскольку был вторым мужем Одри Эмери, бывшей жены великого князя... Я заинтересовался, мне принесли ворох писем, и я загорелся – какая интересная история! Титулярный советник, автогонщик, бизнесмен... И мы поехали в Кахетию, про которую Джорджадзе всегда помнил и мечтал вернуться на родину. Его отец Александр Джорджадзе, кстати, был предводителем Сигнахского уезда. И жизнь Дмитрия сложилась благодаря тому, что его отец принимал великого князя Михаила Александровича Романова, того понесли лошади, и старший Джорджадзе сумел, рискуя жизнью, их остановить. Сам покалечился, но великого князя спас. В благодарность Михаил Александрович приказал определить восьмилетнего Дмитрия в кадетский корпус, где могли учиться только дети состоятельных родителей... Впоследствии он участвовал в покушении на князя Багратиони-Давиташвили. Сидел в тюрьме за убийство на дуэли. В тюрьме начал изучать гипноз – ему попался учебник, и он учился гипнотизировать на своем сокамернике. Прошли годы, и фотографии сокамерника Джорджадзе увидел в газетах. Это был Берия... Не буду всего рассказывать – кое-что вы сможете увидеть в фильме «Загадки Грузии», кое-что прочтаете в книге.

- Игорь, за эти годы Грузия как-то повлияла на вас?

- Она изменила мою жизнь. Я начал заниматься телевидением, делаю новости, снимаю кино, пишу новые книги... Следующая моя книга будет называться «Тифлисская сага» - это трилогия мемуаров Бабо Шервашидзе, Бабо Дадияни и ее дочери Татули. Очень горжусь этим проектом. Это абсолютная Грузия. Последняя моя книга – «Четыре друга на фоне столетия». Я начал ее писать десять лет назад, а заканчивал в Грузии,

когда в Кобулету писал главу о Пастернаке. А потом мне позвонила внучка Зинаиды Пастернак – Марина Нейгауз, которая вышла замуж за грузина и много лет живет в Цхнети.

- Все те же неслучайные случайности...

- Пожалуй... «Четыре друга...» - это воспоминания Веры Прохоровой. Она внучка Гучкова, правнучка Станиславского, двоюродная внучка врача Боткина, погибшего вместе с Николаем II, ближайшая подруга Рихтера, добрая знакомая Пастернака, Фалька, Нагибина, соседка Булгакова... Можно перечислять бесконечно. Удивительная женщина. Третью неделю книга является лидером продаж в главном московском книжном магазине среди книг в жанре мемуаров, а в общем списке ста лучших книг Москвы она – на седьмом месте.

- Вы пишете о великих русских и великих грузинах...

Интересно, это одна порода? Или они отличаются друг от друга?

- Я думал об этом, и скажу вам – это одна порода. Докоммунистическая. Почему эти люди, которые сидели в лагерях, жили в коммунальных квартирах, голодали, такие настоящие? Как они сохранили это в себе? В том числе сохранили мозги, память, здоровье? А дети – совсем другие... До тридцатых-сороковых годов прошлого века, пока в нас не запала коммунистическая бактерия, рождались другие люди. Гены, видимо, бывают не только у человека, но и у обстановки, воздуха. И мы все – жертвы этого страшного «изма». Моя жена дружна с представителями высшего света Парижа. Когда они показывают фотографии своих бабушек, кажется, что и они, и мои героини – выпускницы одной гимназии.

- Мы можем у них чему-нибудь научиться или пытаться бессмысленно?

- Конечно, можем. Обязательно. Я у них учусь постоянно. Например, говорю с Верой Прохоровой по телефону и получаю заряд энергии от 94-летнего человека – сколько тепла, доброты, нежности! А Чукуртма Гудиашили? Как она говорит, как строит фразу – это чистый горный вкусный воздух. Какая атмосфера в семье – просто фантастика! После встреч с ней я начинаю говорить другим русским языком, сразу хочется творить, сочинять... Я учусь у них отношению к жизни. Что им пришлось пережить? Хлеба нет, правды нет, встать-суд идет-десять лет... Но главное, как мне как-то сказал Армен Джигарханян, что «все – в нас, и бог, и дьявол. Кого ты кормишь, тот и будет тобой владеть». А Чукуртма говорила: «Игорь, самый главный судья себе – вы сами. Всех можно обмануть, но себя не обманешь»...

- Она вам процитировала Пушкина: «Ты сам свой высший суд»...

- Да-да. Чему я у них научился? Не отвлекаться на ненужные мелочи, но уметь ценить прелесть настоящего. Вот я возвращаюсь к себе в Цхнети после 16-часового рабочего дня – очень устал, не всем доволен... Но слышу чудесный аромат трав и цветов. И птицы так поют!.. Говорю себе – остановись и поймай эту секунду. И я это делаю. Грузины мне часто говорят – ну что ты все восхищаешься, не привык еще, что ли? А я не хочу привыкать. Во мне все время живет удивление перед красотой. Я в себе это культивирую. И в сыне тоже. Вечерами луна иногда бывает такая чудесная, что хочется перекреститься, глядя на нее. И тогда я беру сына за руку, и мы идем смотреть на красоту – на луну, на голубые горы... А ведь горы, и правда, становятся голубыми, когда садится солнце...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

МУШКЕТЕРЫ, К БОЮ!

Владимир Апциаури

Перед финалом командных соревнований старший тренер сборной по фехтованию на рапирах Александр Перекальский сказал: «Серебряных медалей ваших никто не отнимет. Свое дело вы сделали. но если хотите стать олимпийскими чемпионами, то вот фехтовальная дорожка и ваш соперник – сборная ФРГ».

Совет Александра Петровича, в нужный момент и в нужном месте, был дорог. Советские рапиристы тогда победили со счетом 9:5, став авторами сенсации в Сеуле в 1988 году.

Олимпийский чемпион Владимир Апциаури вспоминал: «Первые две встречи, легко выигранные, показались нам детской игрой в «казаки-разбойники». Но уже в следующей, с китайской сборной, когда каждый рвался фехтовать, начались сложности. Я думал отдохнуть – столько эмоций навалились перед Олимпиадой, но первый бой проигрываем. Тренер говорит: «Бери рапиру и готовься». Александр Петрович знал меня с юниорской поры и бросал в бой в экстремальных для команды ситуациях, считал, что именно тогда наиболее полно раскрываю свои возможности».

Апциаури выиграл два боя, а третий не понадобил-

ся, к тому времени команда выигрывала 9:6.

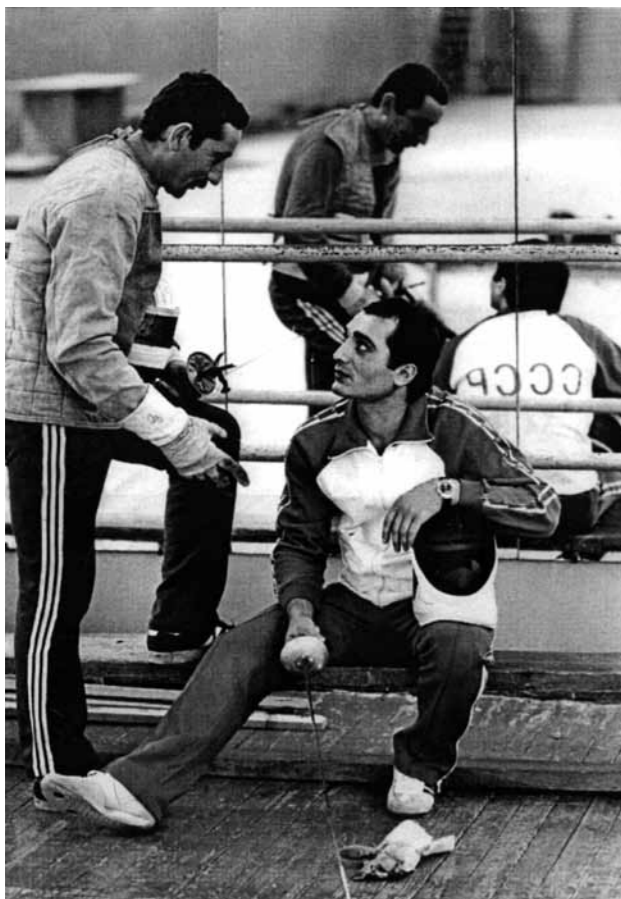
Матч с венграми – фаворитами олимпийских и мировых турниров – заставил всех поволноваться. Владимир Апциаури, Александр Романьков и Борис Корецкий давно выступали вместе и считали, что венгров победить можно. Но события на Олимпиаде непредсказуемы. Кто знал, что пятикратный чемпион мира Романьков проиграет два боя, да еще с разгромным счетом 1:5 и 0:5.

Апциаури, принеся в копилку команды два победных очка, проиграл третью встречу сопернику, которого обычно каждый раз обыгрывал.

Словом, положение критическое. Владимиру и Анвару Ибрагимову надо выигрывать оба оставшихся боя, отдав соперникам не больше шести уколов.

Счет в матче сравнялся, и по лучшей разнице нанесенных и пропущенных уколов команда (Апциаури, Ибрагимов, Корецкий, Мамедов, Романьков) вышла в победный для нее финал, увенчанный золотыми олимпийскими медалями.

В личный турнир грузинского капитана тренеры не заявили. Олимпийским чемпионом стал итальянец

С тренером Малхазом Габуния

С.Чериони, с которым Владимир много раз встречался и всегда побеждал. Сам же считал, что этот факт еще не гарантировал ему двойную победу на Играх.

В предолимпийский период Володе пришлось рапирой прокладывать себе дорогу в Сеул. Три олимпийские путевки по итогам предыдущих соревнований были отданы Александру Романькову, Ильгару Мамедову и Анвару Ибрагимову. На две оставшиеся претендовали четверо. Одна у Корецкого. Еще за одну спорили Апциаури и Дмитрий Шевченко, будущий олимпийский чемпион в Атланте (1996).

Апциаури – чемпион СССР 1984 года – вместе с москвичом Шевченко пытается счастье на международном турнире «Балатон». Для него это последний шанс попасть на Олимпийские игры. В Будапеште он победил Шевченко со счетом 10:5, став вторым по результатам турнира, его соперник – только четвертый.

Казалось бы, все вопросы сняты, ситуация ясная, но на заседании тренерского совета мнения разделились. На Перекальского косились: что это он так ратует за Апциаури.

В конце концов, дорогу на Олимпиаду открыло мастерство.

Старший тренер сборной признался: «Выступи ты, Володя, в личных соревнованиях неудачно, досталось бы нам обоим дома». Потом сокрушался: «И вторая золотая олимпийская медаль была бы у Апциаури, будь мы посмелее».

Паренек из Манглиси – воспитанник тренеров Реваза Мачарашвили, Семена Аджимамудова и Малхаза Габуния, унаследовав традиции грузинской школы мастеров клинка, стремительно вошел в элиту мирового фехтования.

«Олимпийский успех Апциаури не случаен, - сказал Морис Сахвадзе, генеральный секретарь Федерации

фехтования Грузии, чемпион СССР-60 и обладатель Кубка СССР-64, который юнцом вместе с Нугзаром Асатиани и Гурамом Костава пришел на первые занятия в фехтовальный зал к Трифону Месхи, и на рубеже 60-х годов утверждал высокий авторитет грузинской фехтовальной школы, а потом 15 лет работал государственным тренером Спорткомитета Грузии, в нашей беседе десятилетней давности. - Апциаури громко заявил о себе на чемпионате СССР в 1982-м, став вторым призером после победителя Московской олимпиады Владимира Смирнова».

На пути в финал Апциаури дважды выиграл у Романькова, которого легендарный француз, 4-кратный олимпийский чемпион в фехтовании на рапирах Кристиан д'Ориола назвал поэтом фехтования, сравнив спортивный талант офицера из Минска с дарованием самых известных людей из мира искусства.

Введенный в состав сборной страны, Апциаури стал открытием чемпионата мира-82 и первым номером команды, взяв на себя обязанности тяжело травмированного в полуфинале лидера Смирнова.

Счет в той встрече с немцами был равный – 8:8 (четыре победы из четырех возможных добыл Апциаури!), и лишь по уколам наша сборная вышла в финал, где превзошла рапиристов Франции, олимпийских чемпионов Москвы.

Через два года Владимир Апциаури выиграл чемпионат СССР, взойдя на вершину, которая 23 года не покорялась грузинскими рапиристами – после победы Юрия Осипова в команде. Фамилия Осипова громко прозвучала в олимпийском Мельбурне (1956), где он, будучи допущен в личный турнир, одержал сенсационные победы над выдающимися фехтовальщиками современности – Э.Манджаротти (Италия), Ж.Латастом (Франция), Й.Шаковичем (Венгрия), многократными олимпийскими чемпионами и чемпионами мира.

Появление 19-летнего Юрия Осипова в Мельбурне было сенсацией. Годом раньше его ввели в состав сборной команды страны. Фехтование на рапирах, как и другие его виды, опирается, прежде всего, на опыт, и этим сильно. Так никого не удивило участие в составе итальянской сборной, кстати, выигравшей командой олимпийское золото, великовозрастных фехтовальщи-

Морис Сахвадзе

Горит Олимпийский огонь в Сеуле. 1988

ков чемпионов Берлинской олимпиады 1936 года Манджаротти и ди Роза.

Вспомним, что советские мушкетеры начали культивировать этот технически сложный вид спорта незадолго до хельсинкского дебюта наших олимпийцев. Законодателями фехтовальной моды десятилетиями были французы, итальянцы, венгры. Так что, успех в Мельбурне новобранца нашей сборной Юрия Осипова, его семь искрометных и полновесных побед в командных боях (только на одну больше было у Марка Мидлера) изумили специалистов, произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Юрий Осипов подтвердил это «первое» впечатление тремя победами в чемпионатах страны, Всемирной Универсиады-59 в Турине, в розыгрыше Кубка СССР-60, бронзовыми медалями молодежного (до 21 года) первенства мира и чемпионата мира в Париже, первыми в истории отечественного фехтования на рапирах, десятью годами пребывания в сборной. И в 29 лет зачехлил свое грозное оружие безоговорочного лидера, пробившегося в мировую элиту, обиженный на чиновников, годами нарушавших спортивную справедливость и постулаты морали, не допустивших его на две Олимпиады и другие крупнейшие соревнования.

Еще две золотые медали в личных и командных соревнованиях 23-летний студент 5 курса Грузинского института физической культуры Апциаури завоевал на международном турнире «Дружба-84». «Спортивный уровень этого турнира не уступал первенству мира», - вспоминал абсолютный чемпион Апциаури, который со счетом 10:6 победил сильного польского рапириста Сыпневского и Романькова, а в финале – кубинца Бетанкура.

«Уже к тому времени Владимир очень прибавил в мастерстве, - сказал мне Морис Сахвадзе. - Володя настаивался на поединки, невзирая на самые высокие титулы соперников. С виду неторопливый, он преоб-

Кристиан д'Ориола и Юрий Осипов. Атланта. 1996

ражался на фехтовальной дорожке. Его козыри – скорость и внезапность – позволяли побеждать сильнейших».

Успех советской «золотой» команды на чемпионате мира 1982 года в Риме был столь громким, что из аэропорта «Шереметьево-2» рапиристов привезли к мемориальному комплексу защитников Москвы сорок первого, к противотанковым «ежам», и в торжественной обстановке вручили значки заслуженных мастеров спорта СССР, напомнив тем самым, что в жизни всегда есть место подвигам.

Арсен ЕРЕМЯН

ВО СЛАВУ ВЕЧНО ЖИВУЩЕГО

Так уж сложилось, что для многих из нас из поколения в поколение лето начинается с поэтического слова Пушкина. Ежегодно 6 июня Пушкин приходит к нам, а мы – к Пушкину, и каждая такая встреча отмечается как нечто глубоко сокровенное, личное, неотъемлемое от нашей духовной жизни. Традиция отмечать 6 июня день рождения любимого поэта с годами вылилась в России, а потом и за ее пределами, поистине во всенародный Пушкинский праздник поэзии. Сегодня уже мало кто помнит, что начало этой традиции было положено еще в 1880 году, когда в Москве на Тверской был открыт первый памятник Александру Сергеевичу Пушкину работы скульптора А.М. Опекушина. За несколько лет до этого события был образован специальный комитет, куда вошли друзья Пушкина М.А. Корф и Ф.Ф. Матюшкин и лицеисты других выпусков. Для сбора средств объявили всенародную подписку, было собрано 106575 рублей. На торжестве открытия памятника присутствовали все четверо детей поэта и многие известные писатели России И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, Д.В. Григорович и другие. В зале Благородного собрания в день торжеств был дан большой концерт, который открывался увертюрой к «Руслану и Людмиле» М.И. Глинки. На литературных вечерах читались произведения поэта. На одном из таких вечеров Ф.М. Достоевский произнес свою знаменитую речь, за которую был увенчан лавровым венком: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя и пророческое... Никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединился так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин... Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

На торжественном обеде И.С. Аксаков поднял от имени Москвы бокал – «не в память от нас отошедшего, но во славу неумирающего, вечно живущего меж нас поэта».

Пророчество о бессмертии Пушкина было подтверждено временем – а это самый бесстрашный судья. Мы действительно находим в Пушкине «наше все», и прежде всего, – нашу нравственность, культуру, наш язык. Не удивительно, что народная традиция празднования Пушкинских дней приобрела в наше время государственный статус. С 1997 года согласно Указу президента РФ Пушкинский день в России стал отмечаться официально.

Судьбою нам выпало жить в сложные времена. Мы стали свидетелями того, как под натиском социально-политических перемен в мире и тотальной американизации оказались и русская культура, с заложенным в ней высоким нравственным началом, и сама «живая прелесть русской речи», русский язык, многие годы надежно служивший сближению и взаимопониманию разных народов. И конечно же, самым верным ориентиром в борьбе за сохранение позиций русского языка для нас, как всегда, остается Пушкин. Ведь именно он, всенародно почитаемый русский поэт, создатель новой русской литературы, в своем творчестве утвердил нормы современного русского литератур-

ного языка. Во всем мире его произведения признаются эталоном языка, подобно произведениям Данте в Италии или Гете в Германии. И именно Пушкин, как никто другой, радел о сохранении русского языка. Авторитет Пушкина во всем мире настолько высок, что вполне оправдано было решение ООН в 2010 году о ежегодном проведении Международного дня русского языка 6 июня, в день рождения поэта, имя которого давно уже ассоциируется в нашем сознании с именем России.

Русский мир сегодня – это почти 164 миллиона человек, для которых русский язык является родным, и еще свыше 114 миллионов владеют русским как вторым языком или знают его как иностранный. Кажется, трудно найти на карте мира страну, где не изучался бы сегодня язык Пушкина. И хотя отношение к этому языку далеко не однозначное, а в некоторых странах постсоветского пространства откровенно негативное, с каждым годом растет число желающих изучать русский язык, вопреки скрытым и явным барьерам, политическим и идеологическим установкам. К сожалению, наше время, отмеченное агрессивным рационализмом, во многом повлияло на мотивы, побуждающие изучать русский язык. Не желание приобщиться к языку, носителю богатейшей культуры и литературы, а чаще всего стремление овладеть инструментом, который поможет преуспеть в бизнесе, карьерном росте. Что ж, как ни больно, но самоутверждающаяся бездуховность – это тоже один из показателей наших дней. Выучить язык Пушкина и ни разу не открыть томик его стихов!.. Как сказал по этому поводу известный пушкинист В.С. Непомнящий: «Мне не Пушкина сейчас жалко. Безумно жалко людей, которые растут и живут без него. Потому что они теряют такие ценности, без которых человеку очень трудно оставаться человеком». Приходится только надеяться на время, которое всегда все возвращает «на круги своя», и на самоотверженное служение тех, кому не безразлична судьба русской культуры. А таких, к счастью, тоже не мало.

Я вспоминаю встречи с коллегами, преподавателями русского языка как иностранного в странах русского зарубежья. Мы были приглашены в Москву на конференцию Фондом «Русский мир» и Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Разговор шел о положении русского языка, сохранении и упрочении в мире его позиций, о том, насколько важно знакомить молодое поколение в разных странах с лучшими образцами русской литературы, если мы хотим жить в обществе, где будут доминировать законы высокой нравственности. И, конечно же, не раз в выступлениях педагогов звучало имя Пушкина. Как прав был В.Г. Белинский, пророчески определивший роль великого поэта в воспитании грядущих поколений: «Придет время, когда он будет в России поэтом, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

Вечерами делегаты конференции собирались возле памятника Пушкину в уютном дворике Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Педагоги из разных стран рассказывали друг другу о своей работе, проблемах, делились планами на будущее, обсуждали возможности совместных международных мероприятий.

Такое живое, непосредственное общение подчас бывает интереснее и полезнее заранее подготовленных докладов. За нашими импровизированными посиделками задумчиво наблюдал с каменного постамент Александр Сергеевич. И как-то непроизвольно разговор перешел на тему о памятниках великому русскому поэту, установленным в странах проживания делегатов конференции. Каждый рассказывал о своем, «родном» Пушкине. А ведь таких памятников установлено в мире более трехсот – и основательных монументов из камня и бронзы, и скромных бюстов, стоящих в парках, на площадях и улицах разных городов мира. Всюду, где живет любовь и признательность к Александру Сергеевичу Пушкину. Причем такого количества монументов не удостоился в мире ни один из литераторов. Известно, что при жизни поэта не создавалось его скульптур – того не желал сам Пушкин. «Арапское мое безобразие будет предано бессмертию во всей своей мертвой неподвижности», – писал он жене. Но оказывается (это малоизвестный факт), все-таки был один памятник, поставленный в лицейском саду Царского Села в 1817 году друзьями – лицеистами Пушкина, как дань благоговейного уважения к его ярчайшему таланту. Памятник не сохранился, но легенду о его создании рассказывал поэт Иннокентий Анненский, бывший одно время директором Царскосельской Николаевской мужской гимназии. Через два месяца после выпуска из Лицея пятеро его воспитанников, друзья Пушкина – А.Илличевский, А.Дельвиг, В.Кюхельбекер, М.Матюшкин и И.Пуцин, заручившись согласием директора Е.А. Энгельгардта, уговорили одного из петербургских каменотесов обработать по их заказу мраморную глыбу. Мастер высек на глыбе по желанию лицейцев два слова: «GENIO LOCI» («гению места») и прописал их золотом. 12 августа (по старому стилю), в день святого Александра, то есть день ангела (именин) Пушкина камень установили в лицейском саду. Друзья хотели, чтобы этот камень напоминал лицеистам о том, что здесь расцветал гений их друга Александра Пушкина. Когда Лицей перевели на Каменноостровский проспект в Петербурге, мраморную плиту с постаментом перевезли туда же. Но говорили, что этот памятник лицейского преклонения перед гением поэта вызвал неприкрытое раздражение у императора, во всяком случае, после посещения императором Лицея первый прижизненный памятник Пушкину бесследно исчез.

После смерти поэта наш тбилисский Пушкин работы скульптора Ф.И. Ходоровича был одним из первых памятников поэту, установленных на территории Российской империи. Сооружен он был на собранные народом средства. В Пушкинские памятные дни сюда приходят с цветами тбилисцы, приезжают жители других городов. Звучат стихи Пушкина на русском, грузинском, армянском, азербайджанском и других языках, которыми так богато многоголосие тбилисской речи. В этом году у памятника Пушкину 6 июня отмечается сразу несколько знаменательных праздников – День рождения поэта, Международный День русского языка и День русского языка, который Указом президента с этого года стал государственным праздником России.

Виктория ПОПОВА

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

«На черном и на золотом – /Старинных холстов кракелюры.../ Все счеты сведу я потом/ С красотами литературы». Так в переводе Владимира Леонovichа звучит строфа Галактиона Табидзе. Великий грузинский поэт никогда не жил на небольшой улице, открывающей с главной площади современного города вход в совсем иной Тбилиси. Его дом-музей в другом районе. Но случилось так, что именно эта улица носит имя Табидзе, и на ней, посмотрев по сторонам, ощущаешь себя словно в музее. Только справа и слева – не картины в подсвеченных нишах, а мемориальные доски на стенах старинных домов. У них, как и у полотен, тоже свои кракелюры – трещины, наложенные временем. Но время не в силах свести счеты с красотами литературы, о которых напоминают эти доски.

По-разному называют эту улицу горожане различных поколений. Для самых старших она – все еще Гановская, для остальных – Галактиона. Но мало, кто помнит, что в память о Табидзе ее назвали лишь после смерти поэта. А до того она увековечивала другое великое имя – Акакия Церетели. И, проходя мимо огромного пустыря, превращенного в автостоянку на перекрестии с улицей Лермонтова, не удивляйтесь, если в памяти вдруг всплывет песня, ставшая в России одним из символов Грузии и известная каждому

русскому человеку – «Сулико». На этом месте стоял дом №16, в котором жил автор ее слов – Акакий (великих грузин на их родине называют просто по именам, которые говорят сами за себя, и к которым излишне прибавлять фамилии). Человек, которого грузинский народ, еще при его жизни назовет своим великим певцом, провел здесь год, начав общественную деятельность после возвращения из Петербургского университета. Именно там, в вольнодумной студенческой среде, на выступлениях Чернышевского, окончательно сформировалось его патриотическое мировоззрение, сделавшее Церетели идейным предводителем национально-освободительного движения Грузии. Сам он признавался, что понял, как надо любить родину и свой народ после встречи у знаменитого историка Николая Костомарова с только что вернувшимся из ссылки Тарасом Шевченко. Да, Церетели ненавидел царизм и любое угнетение, мечтал об идеальном человеке без сословных различий, но есть в его биографии один примечательный факт.

На учебу в столицу империи 18-летний Акакий отправился не прямым путем. «Меня направили морем с тем расчетом, чтобы я побывал в Одессе, где жила вдова Воронцова. Мне приказано было обязательно с нею познакомиться. В те годы в сердцах грузин жила еще

светлая память о Воронцове и считалось невозможным, живя в России или направляясь туда, не побывать в Одессе и не познакомиться с его вдовой. Вот почему мои родные обязали меня зайти к княгине и передать ей привет, а в качестве подарка от них я вез крест из гишера со скульптурным изображением распятия». Князь Михаил Воронцов, наместник Кавказа – особая страница в истории Грузии. За 8 лет пребывания в ней он много сделал для развития всех сфер жизни, просвещения, приобщения к европейским ценностям. Он был убежден, что российское присутствие на Кавказе должно не подавлять самобытность народов края, а приспособляться к их исторически сложившимся традициям. Насколько это удалось его сменщикам – другой разговор. Но до сих пор, как бы не переименовывались в Тбилиси места, связанные с именем этого воина, просветителя и либерала, в памяти горожан живы Воронцовские мост и площадь.

А тогда, в 1859-м, княгиня Елизавета Ксаверьевна принимает юного Церетели «точно сына, с подлинно материнской лаской», а, получив подарок, спрашивает: «Значит, грузины еще помнят нас? Надеюсь, они не скоро забудут моего мужа!» Посланец князей Церетели отвечает: «Пока не исчезнет память о самой Грузии, будет жить имя Воронцова». Позже, с высоты лет, он вспоминает об этом с иронией, мол, «промякал» запечатлевшуюся в памяти фразу, которую часто приходилось слышать дома от старших. Но при этом заслуженный деятель искусств Грузии Тархан Арчвадзе скажет нам, что великий Акакий никому не прощал

упоминания о Воронцове все и уважал его до конца своих дней. Он всю жизнь боролся с самодержавием за свободную Грузию, но никогда не ставил на одну доску правительство с его политикой и народ с его культурой. В поэзию он впервые пришел с переводами Лермонтова, высоко ценил Пушкина, Гюгено, Некрасова, посвятил стихи памяти Гоголя, писал о Льве Толстом... И русская культура ответила ему взаимностью – Борис Пастернак, Николай Заболоцкий, Павел Антокольский, Наум Гребнев, Ирина Снегова и другие считали для себя честью переводить стихи Акакия.

Еще один бывший студент Петербургского университета жил на противоположной стороне «улицы - литературного музея», в доме №21. Это – человек, о котором в энциклопедиях и справочниках мы прочтем редкую характеристику: «Грузинский и русский общественный деятель, публицист, литературный критик». Нико Николадзе учился на невыхских берегах одновременно с Церетели, но, в отличие от него, покинул учебные аудитории не по собственному желанию, а по решению властей, не проучившись даже года. И не просто покинул, а еще и отсидел в каземате Петропавловской крепости. Активному участнику студенческих волнений, поклоннику идей Чернышевского предписывают вернуться на родину. Но он остается в Петербурге и скрывается у Акакия Церетели, выходя на улицу лишь в облике княжеского слуги, в черкеске. Этот наряд и оказывается для него судьбоносным. Перед Рождеством появляется не кто иная, как жена Чернышевского – для маскарада ей нужен черкесский костюм. Так Нико получает приглашение в дом к своему кумиру и становится там своим человеком. Он пишет не только в знаменитом «Современнике», но и в журнале «Искра» (не путать с большевистским «органом» начала XX века!), в газете «Народное богатство» осваивает все секреты журналистики – от набора и корректуры до редакторства. А нелегальное положение завершается удивительной историей.

Военным губернатором Петербурга назначается Александр Суворов – тезка и внук прославленного генералиссимуса. И, наслышанный о его либерализме, Николадзе дерзает просить разрешение остаться в столице. Генерал, которого в свое время арестовывали по делу декабристов, но освободили монаршим повелением, читает фамилию просителя и... на родном языке Нико спрашивает, знает ли он грузинский. Получив ответ на том же языке, говорит: «Каргиа!» («Хорошо!») и приказывает выдать вид на жительство. Где генерал выучил грузинские слова? Заглянув в его биографию, мы можем предположить, что это произошло во время участия в войнах с Турцией и Персией. Ну, а Николадзе недолго пользуется его милостью – он отправляется в Европу.

В Женеве, вместе со Львом Мечниковым – адъютантом Гарибальди и братом знаменитого биолога – выпускает самое первое издание Чернышевского и журнал «Современность», на шумевшую книгу о Каракозове, покушавшемся на Александра II, пишет в радикальные европейские журналы. А в Париже его отыскивает Герцен, настолько популярный даже «на узкой и закопченной улице Латинского квартала», что реакцию своей квартирной хозяйки Нико описывает так: «Еще утром третировавшая меня за неисправность во взносе квартирной платы, после этого посещения лично поднялась ко мне с кипятком для чая». Каждый раз, приезжая из Лондона, Герцен встречается с Николадзе и, в конце концов, тот начинает сотрудничать в знаме-

Акакий Церетели в молодости

нитом «Колоколе», в первой же статье известив мир о положении грузинских крестьян. Но потом, в том же журнале, мы прочтем уже и критику в адрес самого Герцена, с которым у Николадзе появились идейные разногласия.

Естественно, после этого их пути расходятся, но череда громких имен в судьбе Нико продолжается. Среди его друзей, знакомых и корреспондентов – Виктор Гюго, Альфонс Додэ, Алексей Плещеев, Глеб Успенский, Михаил Бакунин... А Поль Лафарг, с которым Нико готовил в Париже выпуск на французском языке журнала «Левый берег», даже знакомит его с... Карлом Марксом. И тот делает Николадзе весьма лестное предложение: стать представителем 1-го Интернационала в Закавказье. Может, классика революционной теории привлек не только публицистический дар молодого человека, но и то, что, защитив диссертацию в Цюрихском университете, тот стал первым в истории Грузии доктором права. К чести литератора, он отказывается – ему более близки революционно-демократические идеи Чернышевского и Добролюбова. С ними он и возвращается на родину, правда, иногда покидая ее – то ради дел во Франции, то, отправляясь в ставропольскую ссылку из-за чересчур смелых публикаций. На грузинском языке он возрождает в Париже журнал «Дроша», в Тифлисе основывает журнал «Кребули» и руководит газетой «Дроеба». А на русском издает газету «Обзор», много пишет в «Тифлисском вестнике» и «Новом обозрении». Но не только поэтому Россия увековечила Николадзе как своего публициста. По просьбе Михаила Салтыкова-Щедрина он работал в «Отечественных записках» и даже заведовал там отделом литературной критики. А в тифлисских изданиях предоставлял возможность высказаться Всеволоду Гаршину и Федору Решетникову.

Сами видите, дорогие читатели, дел у этого человека было под завязку. Но уж таковы публицисты того

времени, что свои идеалы они отстаивали не только на печатных страницах. И литератор Нико Николадзе, в биографии которого мы уже не раз встречали слова «самый первый», привносит этот эпитет и в другие сферы жизни своей страны. Именно он сказал первое слово в создании и умелой эксплуатации морского порта в Поти, где был, кстати, городским головой. А еще он – инициатор строительства Грузинской железной дороги и Ткибульского угольного комбината, развития чаеводства. Гласный Тифлисской городской думы Николадзе первым предложил использовать для освещения городских улиц электричество, а не газ. И по его инициативе городское общественное управление, впервые в России, построило дорожный водопровод не за счет концессий, а собственными силами. Согласитесь, завидный пример не только патриотизма, разносторонних интересов и знаний, но и степени доверия власти к начинаниям энтузиаста-непрофессионала, да еще и числящегося в политически неблагонадежных...

А вот в доме №20, через дорогу, где, кстати, Николадзе часто бывал, всегда царил атмосфера, которой были чужды экономические расчеты. Правда, поскольку здесь правили бал литература и искусство, то непременно звучали и разговоры о политике. Ну, как могли собиравшиеся здесь сливки (не побоимся этого слова) грузинской и русской интеллигенции не обсуждать проблемы, во все времена волнующие мыслящих людей! Но не эти проблемы прославили красивый тбилисский особняк.

Он вошел в историю русской культуры как «Дом Смирновых», а многие прибавляют к этому названию еще и фамилию Россет. Ибо без Александры Смирновой-Россет история не выковала бы это примечательнейшее звено в цепочке российско-грузинских связей. «Черноокая Россети», фрейлина двух императриц – создательница легендарного петербургского литературного салона пушкинской эпохи. Она собрала в свой

Александра Смирнова-Россет

Михаил Смирнов-Кавказский

успехи в изучении местной природы Смирновым-Кавказским, перевозит обстановку петербургского салона, личные вещи и библиотеку матери, семейные реликвии. И надо ли удивляться, что этот особняк сразу превращается в место постоянных встреч грузинской и русской интеллигенции? Традицию продолжили внук и правнук черноокой Россет. Так что, если мы просмотрим даже неполный перечень тех, кто бывал здесь на протяжении более полутора веков, то покажется, что это – выписка из энциклопедии литературы и искусства. Григор Орбелиани, Илья Чавчавадзе, Викентий Вересаев, Акакий Церетели, Давид Эристави, Максим Горький, Галактион и Тициан Табидзе, Валерьян Гаприндашвили, Георгий Леонидзе, Булат Окуджава, Нодар Думбадзе, Владимир Солоухин, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский... А еще – композиторы Петр Чайковский, Антон Рубинштейн, химик Петр Меликишвили и многие другие замечательные люди. И именно в этом доме Илья Чавчавадзе отмечал 100-летие со дня рождения Пушкина. А ровно 90 лет назад здесь подготовили и издали первое академическое собрание сочинений Николоза Бараташвили. Вот так, господа, идешь по обычной тбилисской улочке, а перед тобой – «одно из крупнейших и ценнейших мемориальных собраний пушкинской эпохи, находящееся за пределами России».

Казалось бы, куда уж больше ждать впечатлений от старых домов, которые буквально следуют друг за другом! Но и это – не последняя страница, распахнутая перед нами улицей Галактиона. Всего несколько шагов от «Дома Смирновых» - и звучит имя Валериана Гуня. В историю киноискусства он вошел как один из лучших актеров грузинского немого кино, снявшийся с 1913 по 1927 годы в десятке фильмов, в том числе и в «Амоке» великого реформатора театра Котэ Марджанишвили, вместе с великой Нато Вачнадзе. А театральные эн-

круг весь цвет русской культуры XIX века. И Николай I, которого его венценосная супруга даже ревновала к Александре Осиповне, считал, что Россет царствует над поэтами так же, как он над своей страной. Флером самых различных слухов окутаны дружеские связи широко образованной, очаровательной хозяйки салона со многими и многими литераторами, ставшими гордостью России. Но, если развеять этот флер, то можно увидеть, как Василий Жуковский предлагает ей руку и сердце, а Николай Гоголь, утверждавший, что она – «перл всех русских женщин» и истинный его утешитель, читает ей вторую часть «Мертвых душ» перед тем, как уничтожить написанное. И, конечно, как Пушкин, посвятивший ей немало строф, убеждает ее написать мемуары, которые сейчас так ценят историки.

И вот, атмосфера удивительного салона переселяется с берегов Невы на Гановскую улицу Тифлиса. Это чудо совершает сын петербургской красавицы Михаил Смирнов, видный зоолог, ботаник, археолог и лингвист. Закончив Одесский университет, он переезжает в Грузию. Может, сыграл свою роль зов крови – бабушка Александры Россет по материнской линии – из... княжеского рода Цицишвили, родственного последнему грузинскому царю Георгию XII. В общем, Михаил женится на дочери богатого тифлисского купца Михаила Тамамшева, а тот дает в приданое дочери особняк, построенный его отцом. Туда ученый, прозванный за

Нико Николадзе

Валериан Гуния

ПУСТЬ ЭТА РУКА НЕ ЗАБУДЕТСЯ

циклопедии рассказывают о нем не только как об актере, но и как о режиссере, драматурге, критике, переводчике. Между тем, учебное заведение, в котором уроженец грузинского села Эка учился в Москве, было весьма далеко от искусства – Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия. Но именно в Москве Валериан сближается с выдающимся актером и режиссером Александром Сумбаташвили-Южиним, который тоже не имел театрального образования, закончив юрфак. И, по его примеру, Гуния так же начал с любительского театра, когда вернулся в Тифлис. А потом – потрясающий успех на профессиональной сцене.

Картины Нико Пиросмани по пьесе В.Гуния «Брат и сестра»

Среди его лучших ролей – и русская классика: Скалозуб в грибоедовском «Горе от ума», Осип в гоголевском «Ревизоре», Берсенев в лавренинском «Разломе». В 20 лет написав первую пьесу, он потом заявляет о себе не только как драматург. Много переводит, в том числе Гоголя и Александра Островского, редактирует газету «Театри», выступает в периодике. В литературе же он оставил след переводами на грузинский язык либретто «Севильского цирюльника», «Кармен», «Риголетто» и, конечно, собственными либретто к национальным операм. Одно из них к знаменитой грузинской опере – «Дакиси» Захария Палиашвили. А еще он оказался в анналах такого художественного жанра, как «литературная живопись» - потрясенный пьесой Гуния «Сестра и брат» великий примитивист Нико Пиросмани написал к ней аж две иллюстрации. У Гуния было множество друзей среди русских деятелей культуры, а Владимир Маяковский во время застолья, на котором Валериан был тамадой, посвятил ему экспромт, начинающийся так: «Вы – толумбаш/

Вы – тамада,/ Вы – наш!/ Вы – мастер слова». Обыгрывая фамилию грузинского актера, русский поэт называет его «наш милый гунн» и восклицает: «Давным-давно Север с Югом породнились да обжились». Так обращаются только к людям, которых считают своими...

Ну, а те люди из прошлого, которых мы повстречали на этой улице, за многие десятилетия стали своими сразу для двух культур – грузинской и русской. Несмотря на расхождение во взглядах с современниками, вопреки массе противостоявших им обстоятельств, назло требованиям иного времени. Ну, как тут не вспомнить слова Нико Николадзе: «Наверно, когда-нибудь, лет через сто, наши потомки тоже будут с трудом разбираться в сегодняшних наших спорах по практическим вопросам дня. Споры были всегда. Без этого люди не могут и сегодня». А мы сегодня, говоря по большому счету, не можем обойтись без всего, что рождено светлыми умами тех людей.

Владимир ГОЛОВИН

Тицан Табидзе вспоминал: «Жил в Грузии мастер. Он счастья не знал!» В силу некоей трагической закономерности, словно повторяя судьбу многих великих «художников», подлинное признание и известность пришли к Нико Пиросмани после его кончины. С апреля в Грузии проходят праздничные мероприятия, приуроченные к 150-летию со дня рождения этого выдающегося грузинского художника-самородка. Спустя почти столетие фигура Пиросмани, его наследие обретает новые грани – картины одного из самых известных грузинских художников XX века впервые стали иллюстрациями к сказкам.

«Сказки Пиросмани» - новая книга Игоря Оболенского, журналиста и литератора. Книга издана Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб». Презентация ее состоялась 4 мая в Малом зале Грибоедовского театра. Иллюстрациями «Сказок» послужили 20 наиболее известных картин – «Кутеж трех князей», «Олень», «Петух и курица с цыплятами», «Рыбак», «Крестьянка с детьми, идущая за водой», «Орел с зайцем», «Актриса Маргарита», «Ортачальская красотка», «Свадьба в Грузии» и другие.

К сожалению, из более чем двух тысяч работ Пиросмани, сохранилось не более трехсот. Не уцелело ни одной его стенной росписи – после революции все они были уничтожены или погибли вместе с домами. Не осталось ни тетради, куда он записывал сокровенное (вероятно, стихи), не сохранились и письма, адресованные сестре. Жизнь художника окутана тайной и догадками. Порой возникает ощущение, что Пиросмани – еще одна прекрасная легенда Тбилиси.

В грузинских сказках-легендах герои часто ищут источник бессмертия. По словам Игоря Оболенского, «источник бессмертия Нико Пиросмани – его картины. Если к ним внимательно присмотреться, они имеют свою душу и могут о многом рассказать. Надо только уметь слушать. Я попытался».

Каждый из приглашенных 4 мая в Грибоедовский театр на презентацию «Сказок Пиросмани», получил книгу Игоря Оболенского в подарок. Никто из зрителей не подозревал, что впереди их ждет еще один подарок – «Посвящается Пиросмани», постановка театральной студии юного актера «Золотое крыльцо». Идея проекта – «оживить» героев произведений Нико Пиросмани – принадлежит президенту «Русского клуба» Николаю Свентицкому.

Претворить идею в жизнь – эта непростая задача

легла на плечи Ираиды Владимировны Квижинадзе, заслуженной артистки Грузии, художественного руководителя студии «Золотое крыльцо». В основе монологов героев театральной постановки – книга «Сказки Пиросмани» Игоря Оболенского. Прежде всего, сошедшие с полотен Пиросмани персонажи должны были заговорить. Однако, сперва литературные образы нашли свое сценическое воплощение. Ираиде Квижинадзе потребовалось адаптировать текст к театральной реальности. Немало пришлось потрудиться режиссеру, чтобы «пластические репродукции» ожили на сцене. Они стали двигаться, разговаривать и даже чувствовать. Причем, «клеенки» Пиросмани не просто поочередно сменяют друг друга как слайд-шоу. Их появление определяется внутренней логикой повествования, которое ведется от лица трех героев книги – купца Васо (Леван Тарханидис), рыбака Вано (Армен Аветисян) и крестьянина-винодела Вахо (Эрик Тарханидис).

Эту веселую троицу кутил мы видим в самом начале представления (вспоминается картина Нико Пиросмани «Кутеж трех князей»). В ходе спектакля мы услышим увлекательные истории каждого из них. Сюжет каждой истории задает все те же знаменитые клеенки художника. Благодаря «Рыбаку» мы познакомимся с богиней охоты Дали (Кристина Бериашвили), повеселимся с гостями на «Свадьбе» в Кахетии, посмеемся над незадачливым купцом Васо и его сварливой женой, от хлебосольного духанщика (Михаил Арутюнов) услышим историю любви «Актрисы Маргариты» (Тамар Бобохидзе). Порадовала зрителей колоритная сельская зарисовка, в которой угадывается известная картина Пиросмани «Петух и курица с цыплятами». Танец петуха и курочек, исполненный учащимися младшей группы студии просто очаровал зрителей, в награду – бурные аплодисменты. Прежде всего, это знак зрительского расположения – в адрес творческого тандема Квижинадзе – Метревели. Язык хореографии Гурама Метревели всегда выразителен, пластические образы, как в случае с «Орлом и зайцем» (Александр Григорян, Анна Томашвили) убедительны.

Постановка И.Квижинадзе изобилует танцевальными номерами и хореографическими миниатюрами. Это не только оживляет действие, делает его более динамичным, но помогает воссоздать образ и картины из жизни Грузии XIX века, которую любил и сохранил для нас Нико Пиросмани.

Юлия СИБЕРСКАЯ

ПЛАСТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ ДУШИ

Софи́ко Чи́аурели 21 мая могло бы исполниться 75 лет. Чи́аурели – это пик мастерства и непредсказуемости, одна из самых ярких актерских звезд и для Грузии, и для России, и для всего постсоветского пространства. Народная артистка Грузинской ССР и Армянской ССР, лауреат Государственной премии России и многих международных наград, она была символом единения народов и культур. Она объездила весь мир, представляла советское кино на всех международных кинофестивалях, все киностудии бывшего Союза почитали за честь работать с ней. Ее снимали Сергей Параджанов, Алла Сурикова, Резо Чхеидзе, Георгий Данелия, Тенгиз Абуладзе – и везде Софи́ко была абсолютно разной, она не боялась показаться некрасивой, смешной, чужаковой. «Цвет граната», «Древо желания», «Хевсурская баллада», «Не горюй!», «Аревик», «Ищите женщину», «Мелодии Верийского квартала» – это был фейерверк актерских возможностей. При этом актриса звездой себя не считала. Вслед за российскими коллегами по актерскому цеху она называла себя «народной артисткой исчезнувшей цивилизации».

Она ушла из жизни четыре года назад. Болезнь подкосила актрису незадолго до ее 70-летия. Тогда все ждали громкого юбилея Софи́ко, но праздника не случилось. В начале мая актриса улетела в Париж на реабилитацию после онкологической операции, так что торжества перенесли на осень. Мы виделись за день до ее отъезда. У нее временами кружилась голова, она ходила как-то с опаской, но при этом держалась отлично. Никакой паники, спокойная, уверенная. Говорила, что от судьбы не убежишь.

Перед отъездом она была полна оптимизма. «Представляете, – смеялась Софи́ко, – еду в Париж лечиться, но со швейной машинкой. Шитье – это для меня даже не хобби, это искусство». Свой день рождения актриса от-

мечала в Париже в кругу близких друзей, совершивших далекое путешествие ради такого случая. Она шутила, что даже там никак не может от них отделаться. В парижском словесном застолье участвовала вся Грузия, правда, в виртуальном пространстве – по Грузинскому телевидению шла трансляция той встречи, можно было видеть Нани Бреговдзе, Гио Канчели. Сколько было теплых слов и веселых воспоминаний! Так что праздник все же состоялся, хотя и не самый радостный, но такой искренний и сердечный.

Казалось, все страшное позади. Софи́ко после реабилитации летом вернулась в Тбилиси, даже поехала на море, хотя врачи этого не советовали. Но она любила море, и с Котэ они всегда ездили отдыхать. Помню, Софи́ко рассказывала, как однажды на пляже в Кобулету она исполнила свою давнюю мечту – полететь на парашюте, хотя понимала, что в 65 лет это поздноватое: «Я сказала, что полечу, – и полетела». Она была человеком сверхвозможностей – во всех смыслах.

Осенью она активно работала. В октябре в театре Марджанишвили прошел юбилейный вечер Софи́ко и торжественное открытие ее звезды у здания театра. Вечер был замечательный, она сама его придумала и вела, сидя в знаменитом кресле из спектакля «Уриэль Акоста», поставленного самим Марджановым для ее матери, Верико. В комментариях Софи́ко, фото- и видеоматериалах промелькнула живая биография и самой актрисы, и театра, это был срез целой эпохи. Увы, это было последнее ее появление на марджановской сцене, и только близкие знали, чего ей это стоило.

Потом надо было опять лететь в Париж для обследования, и она отправилась в сопровождении старшего сына Никуши. Через неделю они вернулись. Ей сказали, что процесс остановлен, и только сын знал правду, что медицина бессильна.

Ее не стало 2 марта в 10 часов утра. Она скончалась на 71-м году жизни в Тбилиси, в своем родном доме на Пикрис-гора, который построил собственными руками ее отец на месте первого свидания с будущей женой, Верико. Этот дом в Тбилиси знали все как дом великой грузинской актрисы Верико Анджапаридзе и выдающегося кинорежиссера, скульптора, музыканта Михаила Чи́аурели. Потом узнали как дом-музей и Театр одного актера «Верико», созданный Софи́ко и Котэ Махарадзе. Родительский дом был для нее все: и очаг, и крепость, и ее дети, и театр, и детство, и тот старый Тбилиси, дух которого впитали стены. Именно здесь, а не в больнице, она появилась на свет с громким криком, и отсюда тихо ушла.

В этом году в день 75-летия Софи́ко в ее родном театре им. К.Марджанишвили не планировалось ни юбилейных торжеств, ни вечера памяти. Причина уважительная – театр готовил к выпуску новый спектакль и как раз накануне памятной даты отправился в Лондон на престижный шекспировский фестиваль в театр «Глобус». Но остается возможность отметить юбилей осенью, уже в новом сезоне.

Впрочем, Софи́ко все равно не осталась без внимания – юбилею актрисы была посвящена специальная фотовыставка, организованная Национальным архивом Грузии. Выставка открылась накануне юбилейной даты и подарила незабываемые впечатления. В архиве хранились редкие фотографии, некоторые из них не видели даже сыновья Софи́ко и ее ближайшие друзья. Это были фото самого раннего периода ее жизни, в основ-

Г.Шенгелая, С.Чи́аурели, В.Анджапаридзе и М.Чи́аурели

ном, 60-е – 70-е годы прошлого века. Здесь биографические фото, портреты актрисы, документальные фото на репетициях и встречах, ее роли в театре и кино. Она начала сниматься в 1956 году, это был фильм Резо Чхеидзе «Наш двор». На ранних фото Софи́ко совсем не та, которую мы знали позже. На нас смотрела с фотографией этакая неулыбчивая своенравная «девушка с характером» – точная иллюстрация того, что говорила о себе Софи́ко. «Я была достаточно строптивым существом, не милой ласковой девочкой, скорее мальчишкoй-сорванцом. Хотела самостоятельности и не желала быть лишь отпрыском знаменитых родителей. У меня изначально было исключительное положение – дочь легендарной актрисы и знаменитого режиссера, с детства избранный круг общения. К нам в дом приходили самые разные люди – начиная от простых крестьян и кончая

светилами. Во время Великой Отечественной войны МХАТ эвакуировали в Тбилиси, и у нас дома бевали звезды театра – Немирович-Данченко, Книппер-Чехова, Качалов. Талантом матери восхищались Михоэлс, Охлопков, Марджанишвили. А какой потрясающий, какой одаренный человек был отец! Кинорежиссер, скульптор, художник, он великолепно пел, играл на гитаре, к тому же, был необыкновенно остроумным. При этом его предки – простые крестьяне. А моя мама была из старого рода кутаисских князей. Так что во мне разные крови кипят – аристократическая и крестьянская, потому такое смешение. «Дети, как правило, забывают, что для появления апельсина нужно по меньшей мере апельсиновое

Софи́ко Чи́аурели и Котэ Махарадзе

дерево», – иронизировала по этому поводу моя мама. Только с годами я поняла, какой это был дар судьбы и для меня и для моих детей – мои родители. А тогда я все воспринимала как должное, и еще отбрыкивалась».

Будущий муж Софи́ко, кинорежиссер Георгий Шенгелая, был сыном не менее знаменитых родителей – актрисы Нато Вачнадзе, которая являла собой символ женской красоты, и известного режиссера Николая Шенгелая. Их родители очень дружили, и когда в авиакатастрофе погибла Нато Вачнадзе, Верико стала заботиться о младшем сыне подруги, ему было тогда 14 лет. Георгий и Софи́ко были одноклассниками, родились оба в мае, и они очень подружились – бегали с оравой одноклассников в кино, к друзьям или в гости к тетушке Софи́ко. Дружили, а потом ужасно влюбились. Он хотел стать режиссером кино, а в Тбилиси такого факультета не было. И Софи́ко решила отправиться вместе с ним в Москву поступать на актерский. Родители были в панике. Никто не знал, есть ли у нее талант. Мать никогда не могла заставить своенравную доченьку прочесть хотя бы одно стихотворение, чтоб понять, на что она способна.

Софи́ко в Москве стала сама готовиться к экзаменам, писала конспекты, читала. Ее приняли на актерский в ГИТИС и во ВГИК. Чтобы быть вместе с Георгием, она выбрала ВГИК. В конце первого курса в 1956 году приехал в Москву Резо Чхеидзе и по рекомендации своего коллеги по киноцеху Резо Табукашвили предложил Софи́ко сниматься в его фильме «Наш двор». Она не хотела ехать на съемки без Георгия, а Резо, увидев фотогеничного юношу, пригласил и его. Так в 19 лет они впервые заявили о себе на экране. В это время они должны были пожениться и попросили неделю для свадебного

путешествия. Поехали в Сухуми. Софики часто вспоминала эту «медовую неделю», говорила, что их семейная жизнь начиналась бурно: они, как дети, ссорились, мирились, как будто играли, и все равно очень любили друг друга. «Я была самой счастливой, когда у меня родился сын, когда я ощутила себя матерью».

Актерская кинокарьеря Софики пошла в гору – она снималась в фильмах Михаила Чиаурели в 1960, 1961, 1963 годах, а в 1965-м появилась его знаменитая лента «Иные нынче времена». На выставке есть фото из этого фильма, где Софики – скромная девочка с торчащими косичками и с цветком в руках, а рядом паренек с черными усиками, протягивающий ей колечко – Георгий Шенгелая. Поблизости фото совсем другой Софики в «Хевсурской балладе» Шота Манагадзе – уверенно сидящая верхом на коне или нежно-застывшая в лирической сцене с Тенгизом Арчвадзе.

Параллельно со съемками с 1960 года она работала в Марджановском театре, а в 1964 году ее пригласили в театр Руставели, там она играла во «Сне в летнюю ночь» Михаила Туманишвили, потом приехал Товстоногов и она сыграла в «Мещанах». На сцене театра Руставели все помнят ее ошеломляющий танец «кинтаури», недаром Параджанов говорил: «Софики – это пластический порыв души». В 1968 году она вернулась в Марджановский, и уже навсегда.

Глядя на выставленные архивные фото, охватывает какая-то непонятная ностальгия по прошедшим временам. Какое удовольствие смотреть на эти молодые лица: Софики рядом с Робертом Стуруа, Гурамом Сагардзе. Или Софики с труппой марджановцев на обсуждении или репетиции, где в центре Гига Лордкипанидзе, рядом неотразимая Медея Джапаридзе, а вокруг сидят молодые Отар Мегвинетухуцеси, Гуранда Габуня, Иракий Учаниешвили и другие актеры.

Но, конечно, Софики знали больше по фильмам, около десяти из них премированы за лучшее исполнение женской роли. Ее характерные персонажи, взятые из жизни, так и стоят перед глазами. Разве можно забыть ее героиню: Фуфала – сумасшедшая бродяжка с достоинством королевы в «Древе желаний», экспансивная и взрывная героиня в «Ищите женщину», а чего стоит фрескообразная многоликость актрисы в фильмах Параджанова! Это отдельная страница творчества Софики

«Иные нынче времена»

ко – Сергей Параджанов стоит особняком. Софики так говорила о нем: «Это нечто настолько неординарное, он не вписывается ни в какой ряд. Параджанов это праздник в моей жизни. Он называл меня своим талисманом, музой. «Без тебя я снимать фильм не буду!» - написал он мне как-то, когда я отказывалась сниматься. Иногда это были крошечные роли, как в «Ашик Керибе», но это всегда было незабываемо...»

Незабываемо это было и для зрителей. Точнее всего охарактеризовал актрису сам режиссер: «Софики – пла-

стический порыв души. В ней слита нежность восточной фрески, филигранность иранской миниатюры и скульптура византийского искусства. Она гениальная кинобалерина».

На юбилейной фотовыставке актрисы представлены очень интересные семейные фотографии. Например, есть совсем неизвестное замечательное фото 1973 года, на нем – Верико с мужем и Софики с Георгием – все вместе сидят в своей гостиной. Есть еще один совсем неординарный семейный фотокадр того же года. Так совпало, что на киностудии одновременно шли съемки фильмов «Мелодии Верийского квартала» Георгия Шенгелая и «Чудаки» его старшего брата, замечательного кинорежиссера Эльдара Шенгелая. В обеих картинах главные роли исполняли их жены. Вероятно, во время съемок Георгий с Софики заглянули в павильон к Эльдару, и получилась вот такая сцена. В интерьере знаменитой комнаты Маргариты с камином, в котором прятались ее любовники, сидят за столом две неотразимые красавицы: Маргарита-Ариадна Шенгелая с декольте и огромным белым бантом в волосах и героиня Софики – Вардо в строгом черном платье и скромной шляпке, а рядом с актрисами их мужья-режиссеры в обычной одежде. Получился редкий кадр из фантастического фильма, только в прошедшем времени.

Да, «все течет, все меняется» - в личной жизни тоже. Это как неведомый тайник – шкатулка с двойным дном. Софики любила повторять, что жизнь – это один большой курьез. Если судьбой было предначертано, что у нее будет две любви, так оно и случилось. С Котэ Махарадзе они были знакомы очень давно, часто пересекались то в одном театре, то в другом, но о женитьбе у них и в мыслях не было, у обоих семья, дети. Виновиком всего оказался спектакль «Уриэль Акоста», - говорили они. Когда Верико стала восстанавливать в Марджановском театре этот очень давний спектакль, поставленный Марджанишвили специально для Верико, то партнерами в нем оказались Софики и Котэ. Вот тогда они ближе узнали друг друга: «Уриэль» нас и погубил», - говорили они. Софики не захотела вести двойную жизнь, и они с Котэ поженились. Хотя это была огромная боль для нее и для семьи.

Началась новая жизнь. Софики и Котэ объединили два семейных клана. У Котэ были дети, внуки и даже правнуки. Софики обожала его дочь, приму-балерину Маку Махарадзе и ее потомство. А Мака была в восторге от своей мачехи. Наверное, такое возможно только в Грузии. Кстати, Верико всегда с большим теплом отзывалась о Котэ, и это было взаимно. Недаром после смерти Верико супруги начали реализовывать идею Дома-музея Верико Анджапаридзе. Еще в благополучные времена они успели реконструировать дом, надстроили его, отдав нижний этаж под музей. Софики всегда мечтала, чтобы гостиная родителей ожила вновь, и это осуществилось. В пространстве музея, в той самой гостиной, где когда-то собирался весь цвет Тбилиси, в начале 90-х годов был открыт Театр одного актера с маленькой угловой сценой и зрительным залом. Театр делался вместе с Котэ, и для него. А назван он был именем Верико Анджапаридзе. Друзья Котэ шутили, что Махарадзе войдет в историю как единственный артист, который назвал созданный им театр именем своей тещи.

Зрителей помещалось немного, зато легко устанавливалось общение с ними. Этот дом – живая история грузинского театра и кино. На стенах фотографии Верико и Софики в ролях, кадры из фильмов Параджанова, его коллажи, скульптуры и рисунки Михаила Чиаурели. Софики и Котэ удалось сохранить традиции «дома открытых дверей». Приезжавшие в Тбилиси знаменитости обязательно приходили сюда, здесь можно было увидеть Ванессу Редгрейв, Сергея Юрского, Елену Образцову, Зураба Соткилава, Евгения Евтушенко... После хаоса тбилисской войны, когда с наступлением темноты

«Древо желания»

люди забивались в свои холодные неосвещенные дома и наглухо там запирались, этот дом на Пикрис-гора был оазисом жизни. Здесь игрались спектакли, проводились встречи с известными артистами, конференции и азартные дискуссии по культуре.

Репертуар театра расширялся, зрители шли на моноспектакли Котэ, Софики и актеров других театров. Ярким явлением был Мурман Джинория – отличный театральный актер, гротесковый, с поразительной пластикой. Он разрушил скучную традицию художественной декламации, у него все было построено на музыкальности стиха и ассоциативных нюансах, звуковых и смысловых. Появился даже актерский дуэт – Софики Чиаурели и Мурман Джинория в спектакле «Королева-мать» М.Сантанелли в постановке Тенгиза Кошкадзе. Это была одна из лучших театральных ролей Чиаурели, где яркая характерность сочеталась с тонким психологизмом. Спонтанная импульсивность, взбалмошность героини только оттеняли глубину ее внутренней трагедии.

В декабре 2002 года ушел из жизни Котэ Махарадзе. Что значило для Софики потерять Котэ говорить не надо. Но она была сильным человеком. И одна продолжала начатое ими дело. «Дом открытых дверей» еще шире распахнул свои двери. Она задумала проводить серии музыкальных и поэтических вечеров. Как говорила хозяйка дома на открытии, это для того, чтобы оживить нашу сверхполитизированную жизнь, где главные герои – президент и министры, а хиты сезона – их выступления. Она предлагала разбавить все это настоящим искусством. «Встречи на Пикрис-гора» начались с имени Марии Каллас, первой среди оперных примадонн XX века. Вечер пришлось повторить буквально через неделю – слишком много было желающих увидеть это. Дальше шли другие великие имена – Джордж Балачин, Вахтанг Чабукиани, Нодар Андгуладзе...

Но главной заботой оставался ее Театр одного актера, который она решила переименовать в театр актера «Верико». «Именно актера, а не режиссера, как это делается сегодня», - утверждала Софики. Знаковым спектаклем в этом театре и для Софики, и для зрителей был один из последних ее спектаклей – «Рождение планет» Инги Гаручава и Петра Хотяновского. Это биографический рассказ актрисы о своей жизни и о судьбе родителей. Только подан он был сквозь призму балагана, где рассказ ведется от лица трагикомического клоуна – пестрый парик, красный нос, но никакого шутовства. Маска, нарисованная на лице гримом, нужна была лишь как защитный панцирь для человека, который делится самым сокровенным. А близость зрителя к сцене, когда видно выражение глаз, что в них – слезы или искры смеха, придавали зрелищу особую остроту. Софики здесь жонглер, играющий вещностью и вечностью. У нее все узнаваемо, как в жизни, и все переплетено, как в театре, где реальность приобретает непостижимую зага-

дочность. Так знакомое превращается в знаковое. Как ей удается переплести трагедию с юмором, не очень понятно. Но это уж гены виноваты.

Для Софики эта маленькая домашняя сцена была соединением театра и кино. Она называла это «театр крупным планом»: здесь нельзя нажимать, зрителя не обманешь, он рядом, в двух шагах. Нужна абсолютная естественность, как крупный план на экране. Наверное, сами стены пропитаны духом прошлого, здесь существует своя аура, и зрители чувствуют это».

Без сомнения, аура действует. А точнее, действовала. Потому что с уходом Софики их общее с Котэ детище – театр стал угасать. Сначала понемногу, потом разом все кончилось. С 2009 года на театральной карте Тбилиси уже не существует театра «Верико».

Чиаурели мечтала построить еще и здание для театра, какое тут здание, если мэрия на содержание деньги

«Хевсурская баллада»

не выделяет. Софики была права, когда говорила, что еще так много надо успеть сделать. Значит, не суждено быть театру «Верико». Николоз Шенгелая это понимает. Но он хочет сохранить хотя бы традиции «дома открытых дверей». Сейчас он создает в этом доме Центр культуры и искусства, чтобы здесь проходили встречи с ведущими деятелями искусства и обязательно мастер-классы для молодых. Сейчас есть договоренность с 9 телеканалом, который готовит специальные передачи – запись встреч с мастерами искусств из их дома-музея, а ведущей будет внучка Котэ Махарадзе, замечательная актриса Нато Мурванидзе. Есть надежда, что «Встречи на Пикрис-гора» возродятся.

Софики считала себя счастливым человеком, несмотря на все испытания жизни. Она не поднимала себя в звездные выси. «Звезда – это понятие не из нашей жизни», - так она считала. Актрисой у Софики только на сцене – не в жизни. Кокетничать, рисоваться ей было абсолютно несвойственно. Это была уникальная личность, соединявшая собой разные поколения, она несла традиции предков и вместе с тем, была абсолютно свободна, вмещающая в себя дух времени и его новации. Софики это спектр ассоциаций – и временных, и личностных, и творческих. Для Грузии Софики останется символом женщины и актрисы, умевшей совмещать несовместимое.

И она навсегда останется символом того Тбилиси, который исчезает на наших глазах. Мелодии Верийского квартала, родного для нее, уже не зазвучат, как прежде.

Без Софики это невозможно.

Вера ЦЕПЕТЕЛИ

Калистрат Шекриладзе

РОДНИК ЖИВОТВОРНЫЙ

Лето он обыкновенно проводил в селе Хреити, что в чиатурской зоне. Здесь родился 15 июля 1919 года, в семье крестьянина, окончил неполную среднюю сельскую школу, отсюда его проводили в Тбилиси, на учебу в физкультурном техникуме, а потом и в Грузинском институте физкультуры. Выбор этот был не случайным, юноша от природы наделен завидной силой, уже в сококовом Кале Шекриладзе стал чемпионом Тбилиси по французской борьбе, а через год – по поднятию тяжестей.

И знания его пригодились – после окончания института (1940) молодой чемпион начинает работать методистом физкультуры в эвакогоспитале, но рвется на фронт и через пару месяцев добровольцем отправляется в действующую армию, в самое пекло войны.

Прибыв в Адлер, он зачисляется в пехотный полк прославленной гвардейской Таманской дивизии... До окончания войны воюет на различных фронтах, за боевые заслуги награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, 17 медалями.

В Керчи Кале был ранен и после излечения в сочинском госпитале снова направляется на фронт, но в пункте формирования в Ростове его застает приказ Верховного Главнокомандующего. 25 января 1945 года его демобилизуют и он возвращается на родину, в Тбилиси.

Но не в характере фронтовика отлеживаться дома. Уже через три дня он начинает работать старшим преподавателем, а позже руководителем отдела и заведующим учебной частью на кафедре физвоспитания Тбилисского госуниверситета имени И.В. Сталина. Пулемет и винтовку сменяет благородное дело физического воспитания молодежи. Забегая вперед, скажем: на этом ответственном посту воин-орденоносец про-

служил полвека, вплоть до 1996 года!

Его многочисленные воспитанники студенты-спортсмены добились выдающихся успехов, защищая честь отечественного спорта, отличаясь на мировой арене. Труд его оценен по заслугам – Кале Шекриладзе судья республиканской категории по классической и вольной борьбе (1955), заслуженный тренер Грузии (1967), заслуженный деятель физической культуры и спорта Грузии (1985).

Он плодотворно работает многие годы со сборными командами «Буревестника» и «Науки» по классической борьбе.

Если заглянуть в спортивные биографии известных грузинских борцов – Романа Руруа, Автандила Коридзе, Мераба Гудушаури, Тамаза Мачавариани, Рамаза Канталадзе, Акакия Меладзе, Котэ Гугунишвили и других, нетрудно обнаружить результаты его труда в деле подготовки чемпионов.

Мое знакомство с Шекриладзе, а потом и большая дружба на всю жизнь, начались в августе 1954 года. Сборная Грузии выехала в Сталинград, на юношеское первенство страны по греко-римской борьбе в таком составе: Джемал Шенгелия, Мераб Гудушаури, Давид Гванцеладзе, Роберт Тухашвили, Энрико Базиерашвили (племянник серебряного призера Хельсинкской олимпиады по греко-римской борьбе в полутяжелом весе Шалвы Чихладзе, получивший имя великого Карузо), а также Джемал Карумидзе и тяжеловес команды Кучава.

Кале был представителем Спорткомитета Грузии, много старше нас, юнцов, по-отечески опекая каждого еще в пути, а добирались мы в город-твердыню на Волге поездом, придирчиво составлял меню для каждого, приносил еду.

Командой мы были вторыми, пропустив вперед только россиян.

Для меня лично и моих друзей соревнования в Сталинграде стали серьезным испытанием на прочность, первым шагом в большой спорт. Давид Гванцеладзе, впоследствии заслуженный мастер спорта, вице-чемпион Токийской олимпиады (1964) и годом раньше – чемпионата мира в шведском Хельсинборге. Я стал чемпионом СССР в олимпийском 1960 году, участником мирового чемпионата (занял четвертое место).

Готовил нас к сталинградским поединкам выдающийся грузинский тренер Георгий Вардзелашвили; среди его учеников был Гиви Картозия, олимпийский чемпион Мельбурна и трехкратный чемпион мира.

Кстати, Картозия согласился на мою с Давидом Гванцеладзе просьбу и поехал с нами на юношеское первенство страны в Ростове, где мы оба стали первыми. Победить нам помогли советы Гиви в ходе соревнований, поистине бесценные.

Надо сказать, уважительная помощь старших по званию и возрасту младшим – в традициях грузинской школы борьбы, давала превосходные результаты. И ярким подтверждением этого стала та давняя наша поездка с Кале Шекриладзе, которого до этого я знал как спортивного судью.

В последующие годы наши спортивные пути пересекались не раз – оба были связаны с обществом «Буре-

На заре спортивной молодости

вестник», входили в состав различных делегаций, принимали гостей. Вспоминаю, что у Шекриладзе была традиционно сильная университетская команда, его воспитанники становились победителями первенства ЦС «Науки» - мой двоюродный брат Мурман Гудушаури, Георгий Ласурашвили, ставший впоследствии прокурором, Вахтанг Одишвили, начальник угро республиканского МВД, и другие молодые люди, бравшие у Калистрата Эстатьевича первые спортивные и жизненные уроки.

В 1971 году Кале работал тренером в Югославии, а еще через несколько лет – в Чехословакии.

Круг интересов Калистрата Эстатьевича не ограничивался спортом, желание приносить людям максимальную пользу велико. В 1951 году он заканчивает факультет ТГУ по специальности «Государственное право», а в 1961 – экономический факультет альма

С Автандилом Коридзе

матер по специальности «Экономика промышленности». Знания его пришлось как нельзя кстати – Кале несколько раз избирается народным заседателем Орджоникидзевого нарсуда г. Тбилиси, впоследствии работает там же запасным судьей.

С 1989 года он персональный пенсионер.

Почти каждое лето встречается с односельчанами. В Хреити приезд знаменитого земляка каждый раз выливается в Праздник Шекриладзе. Проводится он в июле с 1990 года. На праздник съезжаются гости со всех районов Грузии, к гостеприимному дому Шекриладзе.

Кале инициатор многих добрых дел. Непосредственно руководит и с помощью соседей обустроивает сельские дороги, проводит в село водопровод родниковой воды, который называют Родником Кале.

В 2000-2004 гг. по его инициативе и при непосредственном участии сельчане обустроили двор бывшей церкви и территорию кладбища. По состоянию здоровья ветеран не мог продолжать начатое дело, но нашлись верующие люди из числа земляков, подхватили почин, изыскали средства, и сегодня в селе Хреити есть действующая церковь Св. Георгия.

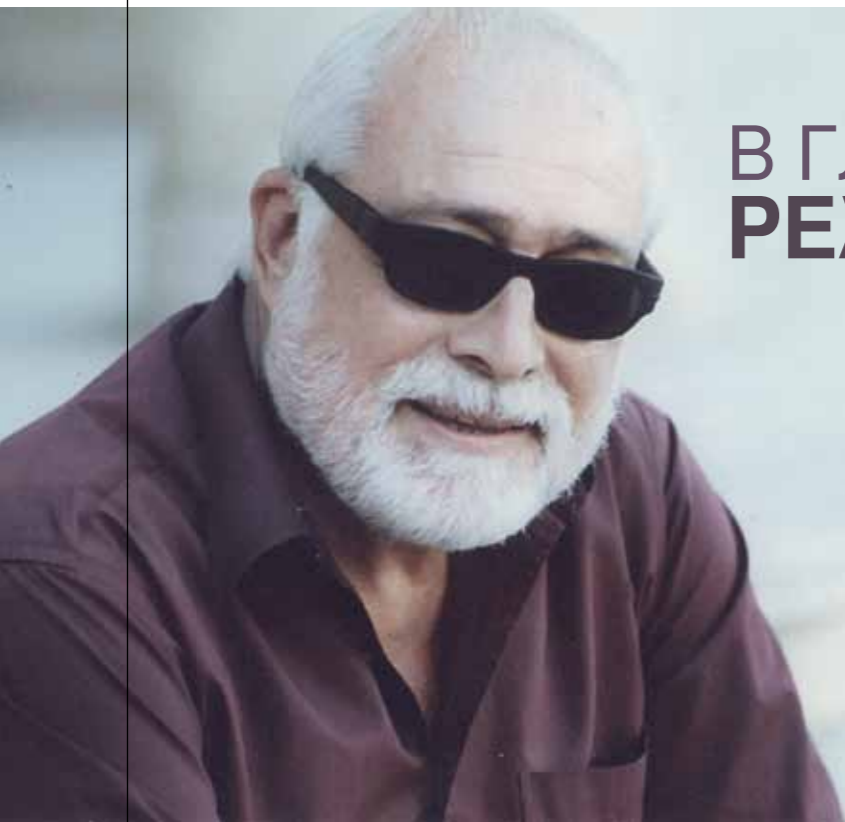
Семья у Шекриладзе большая и дружная: жена, двое детей, 7 внуков и 5 правнуков. Как говорится, живи и радуйся. К несчастью, полученные в войну ранения со временем дали о себе знать, и в 2005 году потребовалась высокая ампутация левой ноги, после чего наш друг мог передвигаться только посредством инвалидной коляски.

Умер Калистрат Эстатьевич Шекриладзе 20 августа 2011 года, прожив славную жизнь труженика и бойца, горячо любимого в большой борцовской семье.

Мераб ГУДУШАУРИ

С Романом Руруа

В ГЛАВНОЙ РОЛИ – РЕЖИССЕР

Вышла в свет очередная книга режиссера, педагога заслуженного деятеля искусств Грузии Темура Абашидзе «Мои университеты», в которой автор рассказывает о педагогах, учивших его секретам профессии в прославленном Театральном институте имени Шота Руставели. Предлагаем монолог мастера – воспоминания, глубокие размышления о прошлом и настоящем театра, о новых тенденциях его развития.

В каирском спектакле «Синухе»

О КРИЗИСЕ КУЛЬТУРЫ

Мы, современные люди, больше шумим, хотя разница между нами и теми, кто жил в XIX и XX веках, не такая уж значительная. Человечество идет вперед отнюдь не семимильными шагами. Может быть, оно развивается в области каких-то технических достижений, а в смысле духовных, интеллектуальных, аналитических аспектов особых, революционных изменений не заметно. Сейчас ощущается явное оскудение на таланты – таланты художественного, творческого плана. Особенно по сравнению с XX и, тем более, с XIX веком. Ведь вторая половина XIX века – это просто фонтан творческих открытий! В самых разных областях появилось сразу много гениев. В том числе – в театре. Но театр – это всегда наглядный пример достижений в самых разных сферах жизни. Когда все остальное развито, это сразу отражается в театре. Театр – это, образно говоря, выставка достижений в области художественной и научной деятельности человека.

Сейчас наступило затишье. Может быть, затишье перед новым подъемом? Театр стал каким-то странным. В этой сфере мы, думается, очень отстали. К примеру, Россия, которая была передовой страной в сфере театральных достижений, театральной литературы, живописи, драматургии, режиссуры, актерского мастерства, сегодня тоже переживает не лучшие времена. Очень редко происходит что-то по-настоящему интересное и новое. Больше стараются освежить, модернизировать уже знакомое. Что же касается принципиально нового, то это случается крайне редко! Владимир Немирович-Данченко в свое время отказался от премии в пользу новаторской «Чайки». В наше время это представить себе невозможно.

В годы моей творческой активности нужно было опираться на классику, а классикой считалось то, что было создано в XIX веке и перешло в век двадцатый. И это были очень серьезные основы, фундамент невероятной прочности. Если говорить о мировой литературе, то это были Ромен Роллан, Л.Толстой, Чехов, значительные фи-

гуры в поэзии. Таким образом, литературная, музыкальная основы всегда были очень мощными. На этой почве родились и самые выдающиеся исполнители, артисты. Театр расцвел в конце XIX-начале XX веков. Потому что квалифицированный зритель, квалифицированный литературный материал и такие же исполнители – все необходимое для развития театра реально существовало. Даже в такой маленькой стране, как Грузия, создавались выдающиеся театральные произведения, были очень большие подвижки в области театрального искусства. У нас творили Марджанишвили, Ахметели, писалась замечательная музыка, ставилась опера. Мы, представители моего поколения, крутились в этом фантастическом водовороте, и что-то, естественно, «прилипало». А сейчас, несмотря на то, что коммуникабельность в мире очень возросла, очень оскудел творческий потенциал. Человек меньше стремится к творчеству, формированию замысла. Сейчас главное – не родить свой замысел, а вылепить его из того, что есть вокруг. Сегодня очень мало кто делает какие-то совершенно новые вещи. Чаще всего современный режиссер конструирует нечто целостное из каких-то уже существовавших деталей. В результате средний уровень сильно подтянулся, а вершины настолько высоки, что если ты не какой-то выдающийся альпинист, туда не доберешься. Я видел японскую постановку «Медеи». Это настолько грандиозное, технически оснащенное нечто, что уже само по себе потрясает. В финале Медея превращалась в какую-то гигантскую птицу. Она вылетала в зал!.. И публика просто замирала... Само действие было тоже закручено на высочайшем уровне, а Медею играл мужчина. Есть такой швейцарский режиссер – Кристоф Марталер, который для каждого своего спектакля строит театр. Однажды представление разыгрывалось на Женевском озере – на плотках. А для «Трех сестер» Марталеру – для одной постановки! - театр построили. Пятьдесят лет назад такое даже представить было бы невозможно.

КТО В ТЕАТРЕ ГЛАВНЫЙ?

В театре главное – актер. Это чисто английская тенденция. Главное – чтоб тебе Господь дал подзатыльник. Выходил Хорава, и ты на него смотрел. Не важно, что он играл. У него были какие-то флюиды, он буквально приковывал к себе внимание. То же касается Вахтанга Чабукиани. Он выходил на сцену, и все на него смотрели очарованные, замороженные. В чем заключается высокий класс театра? В подборе вот таких актеров. Они подбираются тщательно, многие годы. Такие актеры не рождаются, так сказать, пачками... Театр без актеров не может быть. Без таких актеров...

Режиссура стала очень важной профессией в театре, но на сегодняшний день она стала совершенно бесконтрольной. Театр стал игнорировать драматургию как основу для действия. И театр стал совершенно игнорировать актера. Актер сегодня только выполняет задание режиссера. Это же касается автора, художника. То, что мы раньше называли многоцветьем театра, утрачено...

Раньше я приходил в театр, и актер вдруг открывался с неожиданной стороны. Поражала или сценография, или музыка... Все это делало театр непредсказуемым. Непредсказуемость на сегодняшний день перестает интриговать. Это плохо. На мой вкус, да и с точки зрения грамотного отношения к театру в целом как к синтетическому искусству, такие вещи делать нельзя. В серьезном академическом драматическом и музыкальном театре нельзя хулиганить. А хулиганство на сегодняшний день легализовано. Недавно поставили «Кето и Котэ». Так вот, в спектакле нет ничего ни от Кето, ни от Котэ, ни от музыки Долидзе. Только набор штампов, иногда с большей, иногда с меньшей эффективностью. Несмотря на все режиссерские усилия, результат минимальный.

Подбор кадров для театра очень важен. Если в академический театр попадают не лучшие литературные произведения, не лучшие актеры или режиссеры, то это постепенно снижает художественный уровень спектаклей. Во всем нужна строгость отбора. От нас, моего по-

коления, многого требовали, оценивали с точки зрения умения или перспективы это умение приобретать. А сейчас к несовершенству в театре слишком снисходительно относятся. Хотя должна быть конкуренция, столкновение поколений, личностей. Как было раньше!

УЧИТЕЛЯ И ОДНОКУРСНИКИ

Я из театральной семьи, всю жизнь в театре проторчал. Правда, сначала меня готовили к музыкальной стезе – учился в консерватории, которая была тогда на высоком уровне, собирался стать пианистом. Но в последний момент поменял ориентир и нацелился на театральный институт, который, кстати, тоже был в тот период вузом высокого класса. Только-только уехал Георгий Товстоногов, преподавали Додо Алексидзе, Михаил Туманишвили. Позднее я никогда не жалел, что ушел из консерватории. Но с музыкой не расставался: в институте сопровождал спектакли игрой на фортепиано.

Считаю, что моя судьба в театре сложилась очень благоприятно. Я прожил хорошую творческую насыщенную жизнь. Уже в институте я был на хорошем счету. Спектакли у меня получались неплохие. Первый спектакль, который я поставил, - «Журавлиные перья» по пьесе японского драматурга. Главные роли в нем сыграли замечательные актеры Белла Мирианшвили и Нугзар Андгуладзе. Музыку к постановке написали мои друзья из консерватории. Спектакль шел в сопровождении оркестра. В нем играли музыканты, которые в будущем стали очень известными: Ирина Яшвили, Тамаз Батиашвили, Эдик Санадзе и другие. Многие стали известными музыкантами европейского уровня... Очень хороша была Белла Мирианшвили. Второй спектакль, который я поставил, - «Каменный гость» Пушкина. Я тогда учился на четвертом курсе. А диплом защищал в Батуми, после чего меня оставили работать в батумском театре.

В институте у меня была очень хорошая группа. Я

Во время постановки «Каменного гостя»

учился вместе с Робертом Стура, Медеей Кучухидзе, Тамазом Гомелаури, Гурамом Жвания... Сначала нашей группой руководил выдающийся режиссер, человек энциклопедических знаний Василий Кушиташвили, работавший с таким известным французским режиссером, как Шарль Дюллен. На подмостках созданного им театра «Ателье» Дюллен поставил около семидесяти спектаклей, сыграл свыше тридцати ролей. Здесь, в своей «мастерской» он основал замечательную драматическую школу. Кстати, театр «Ателье» приезжал в Тбилиси на гастроли, и все пошло на могилу Василия Павловича. Он руководил нашей группой недолго – всего один семестр, но дал нам очень много. У него была оригинальная манера преподавания, и он многому научил нас с точки зрения чистой театральности.

Потом к нам пришел Михаил Иванович Туманишвили и преподавал нам до самого конца. Мы считаем его своим главным учителем. Под его руководством мы получили свои режиссерские дипломы.

В БАТУМИ

Сначала я был очередным, потом – главным режиссером. Надо сказать, что Батумский драматический театр – это довольно авторитетный по грузинским меркам театр. Когда я туда попал, то сразу оказался в его особой атмосфере. До меня там работал выдающийся грузинский режиссер Арчил Чхартишвили. Кстати, он первым в Грузии поставил «Царя Эдипа», «Отторгнутый» по Важа Пшавела. Этот человек обладал необыкновенной творческой фантазией, режиссерской смелостью. И когда меня назначили главным режиссером, то первое, что я сделал, – восстановил его постановки. Спектакль «Царь Эдип» в свое время посмотрел американский писатель Джон Стейнбек и был под таким впечатлением, что, вернувшись в США, написал о том, как в маленьком портовом городе, в котором кроме таверн и бардаков ничего не должно быть, он увидел на сцене огромного, роскошного театра – «Царя Эдипа». И на каком уровне, в каком исполнении! Он был очень удивлен. Так что батумский театр был, я бы сказал, очень солидным театром, с хорошими традициями. Я потерял с ними контакт в последние годы и не знаю, как там обстоят дела сегодня, но то, что это был очень хороший мощный национальный театр, могу утверждать с полным основанием.

В Батуми мне довелось проработать всего несколько лет, но это был для меня очень плодотворный период. Я тепло вспоминаю это время. Многие из моих батумских

спектаклей были высоко оценены – мы получали премии союзного значения. В честь Победы мы поставили спектакль «Святые в аду», который выиграл всесоюзный конкурс, обыграв театр Марджанишвили. И героиня моего спектакля, актриса Ламара Карасашвили, получила первую премию с Анастасией Вертинской, сыгравшей главную роль в спектакле «Мастера» Стоянова. Мы повезли «Святых» в Москву вместе с двумя другими постановками, получив право гастролировать в Кремлевском театре. Второй спектакль, тоже отмеченный премией, был поставлен по пьесе батумского драматурга Али Самсония. Она называлась «Море и любовь» – это была лирическая драма с комедийной составляющей. Третья работа, которую мы представили в Москве, – «Я, бабушка, Илико и Илларион» Думбадзе в постановке Шалвы Трофимовича Инасаридзе. Он был очень одаренным человеком и соратником Арчила Чхартишвили.

В Батуми я проработал четыре года, и за этот период поставил 16 спектаклей. А всего за свою творческую жизнь я выпустил 202 спектакля! На мой взгляд, режиссер должен иметь профессиональный режим. Ставить один спектакль в три года, даже если это хороший спектакль, не значит быть профессиональным режиссером.

В ТБИЛИСИ

Я всегда с удовольствием ставил детские спектакли и не понимаю тех режиссеров, которые этого не любят. Поэтому с добрым чувством вспоминаю свою работу в Театре юного зрителя. В ТЮЗ тогда назначили большого директора – Ивана Гвинчидзе. До этого он был директором марджановского театра. Гвинчидзе был очень театральным, прогрессивно мыслящим, интересным человеком. При нем ТЮЗ пошел вперед. Мы с ним очень хорошо сотрудничали. Он, собственно, и перевел меня из Батуми в Тбилиси.

В период моей работы в ТЮЗе я познакомился с моей будущей женой Ингой. Она была очень хорошая актриса – актриса от Бога! Когда она выходила на сцену, то сразу приковывала внимание зрителей, невзирая на то, большую или маленькую роль играла, и какого уровня был спектакль. Между нею и публикой всегда возникали флюиды. Это очень ценное свойство актера! Инга играла во многих моих спектаклях. Но она много работала и до меня, и после моего ухода из ТЮЗа.

Из ТЮЗа меня перевели в театр музыкальной комедии имени Васо Абашидзе, с которым связан очень интересный период моей жизни. Я работал с замечательными композиторами Сулханом Цинцадзе, Отаром Тактакишвили, Гоги Цабадзе, Нодаром Габуния, Важа Азарашвили, Гией Канчели.

Так случилось, что я дважды возвращался в музыкальный театр. Несколько лет работал в опере, театре имени Марджанишвили, театре миниатюр. К переходам относился вполне нормально, спокойно. С удовольствием ставил спектакли и в опере, и в кукольном театре, и в оперетте, и в драме. В оперном театре я поставил «Пиковую даму», «Севильский цирюльник», «Риголетто», грузинские детские оперы «Нацаркекия» Мери Давиташвили, «Непрошенные гости» Александра Букия – всего шесть спектаклей. Работать с таким материалом мне было очень интересно – Чайковский, Верди!

В оперетте я прослужил больше – лет пять-шесть. Подолгу я нигде не работал. А потом был театр имени Грибоедова в кошмарный период гражданской войны. Помню, как зашел в свой кабинет – кабинет главного режиссера – и ахнул: автоматная очередь прошла прямо над моим креслом!

В КАИРЕ

А потом меня пригласили в Египет, в Академию искусств Каира, и там я проработал долго – двенадцать лет. Я поставил там оперу Стравинского «Мавра», а главное – осуществил постановку «Синухе» – самого древнего литературного произведения в истории человечества. Это первая дошедшая до нас повесть в истории человечества, которая датируется XXII веком до нашей эры. Полного ее текста нет. На протяжении 400-500 лет его то теряли, то восстанавливали. Я нашел это произведение в библиотеке советского посольства. Как выяснилось, брат российского императора Кирилл Александрович был выдающимся египтологом с мировым именем, и именно он буквально по кусочкам восстановил «Синухе» из обрывков папируса разных веков и издал на русском и древнеегипетском языках. Она мне очень понравилась. Я сделал из повести пьесу и поставил на сцене Национального драматического театра. Получился очень интересный спектакль в стиле древнегреческой трагедии с хором, хоревами, ведущим. Главного героя Синухе играл прекрасный актер Ахмед Саад. Оформил спектакль известный художник Фуад, а музыку написал совсем молодой композитор. Вся сцена была по колено засыпана песком, привезенным из пустыни, и все герои, хор ходили, утопая в этом песке. Спектакль шел тридцать раз подряд.

У меня всегда хорошо складываются отношения с труппой, коллективом. Не стал исключением и Египет. Мне очень нравился этот театральный коллектив. Кстати, в академическом театре актеры играют на классическом арабском языке, который отличается от повседневного, разговорного. У меня было два переводчика – мадам Самия Тауфик и Ахмед Магран. Я сделал инсценировку на русском языке, а Магран перевел на арабский, причем с привлечением специалистов, потому что это была серьезная научная работа – это было так же сложно, как перевести на арабский «Витязя в тигровой шкуре». Поэтому за этим процессом все очень внимательно наблюдали, Магран очень старался. В итоге все остались довольны, а я за эту работу получил премию.

Египетские актеры отличаются дисциплинированностью, чувством ответственности и фанатизмом. Они ничем, кроме своей профессии, не занимались. Почти вся грузинская театральная терминология пришла к нам от арабов. По-арабски «масрахия» – пьеса, «масрах» – театр, «масхара» – актер. В смысле – развлекающий, развлекающий.

В Каире я познакомился с великим египетским актером Яхья Фаггарани. У него была огромная машина, оснащенная как квартира, и он фактически жил в ней. Там был его гардероб, небольшой холодильник и все необходимое. Яхья Фаггарани был настолько занят, что не мог возвращаться домой, чтобы отдохнуть и переодеться... Он сыграл главную роль в моем спектакле «Одна ночь из тысячи».

Кроме этого, я преподавал в аспирантуре и докторантуре Египта мастерство режиссуры музыкального театра будущим режиссерам, издал там книгу.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РЕЖИССУРА

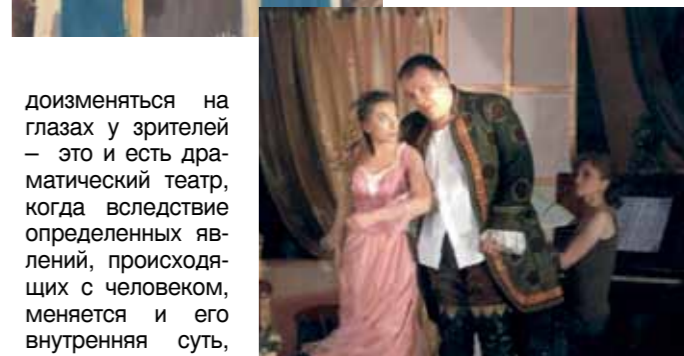
В Тбилиси я выпустил «Историю оперетты и мюзикла», книгу «Некоторые соображения о воспитании актера музыкального театра». А сейчас я написал книгу о Театральном институте «Мои университеты». В ней отражен период 1950-60-х годов, когда я сам еще учился.

Уже два года я не ставлю спектаклей. В своей жизни я выпустил очень много спектаклей – возможно, даже больше, чем следовало. А в последнее время у меня появилась другая творческая тенденция – я не очень увлекался постановкой пьес. Старался сам писать пьесы, делать инсценировки. Очень интересным получился

музыкальный спектакль, который я поставил со своей последней группой из 12 человек. Вот история его рождения. Я обратился к стихам Давида Строителя – грузинского Петра I. Это был человек невероятной физической мощи – два метра 18 сантиметров. Воин, известнейший на всем востоке полководец, замечательный государственный деятель, великий царь в истории Грузии. Но он еще и поэт. Причем замечательный поэт. Я взял его стихи и сделал спектакль. В моей постановке стихи Давида Агмашенебели и читаются, и поются. Получилась очень своеобразная композиция под названием «Песнь сожалений». Такого рода эксперименты стали меня больше интересовать. Так, я взял «Три девы» Поликарпе Какабадзе и тоже сделал из этого музыкальный спектакль. Каждую девицу играли две актрисы. Поликарпе Какабадзе написал нечто «под Меттерлинка» – получился очень симпатичный поэтический спектакль.

Современный литературный материал меня мало привлекает. Для меня драматический театр – это судьбы людей. В результате взаимоотношений, диалога, конфликта возникают какие-то поступки, проявляются характеры. Характер персонажа должен ви-

Эскизы к спектаклям

«Свадьба Фигаро». 2008

доизменяться на глазах у зрителей – это и есть драматический театр, когда вследствие определенных явлений, происходящих с человеком, меняется и его внутренняя суть, и он начинает по-другому мыслить, чувствовать, действовать. Вот в этом суть драмы. Когда театр перестает быть наглядным, когда все только подразумевается, то это уже нечто совершенно другое... Я с Робертом Стура всегда спорил – то, что он делает, не является собственно драматическим театром. Может быть, это хороший театр – я не с этим спорю! Но это не «драма». Драма предполагает только душевный контакт и рожденные в результате этого контакта видоизменения. На моей памяти только три великих грузинских актера производили неизгладимое впечатление – Акакий Васадзе, Серго Закариадзе и Вахтанг Чабукиани. Они овладели тем, о чем я говорил. И потому стали «китами». Драматический театр может быть развлекательным, но своей драматичностью, а не развлекательностью. Я за то, чтобы каждый театр занимался своим делом. На современном этапе театр вышел на такой уровень, когда он не должен заигрывать со зрителем.

Монолог режиссера записала
Инна БЕЗИРГАНОВА

ПРОФЕССИЯ – МОЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

■ **Тамуна Николадзе** – актриса, известность к которой пришла после популярного грузинского комедийного телесериала «*Шуа калакши*», где она исполняла роль эксцентричной героини Кетеван Глonti. Игра в сериале принесла ей любовь детской и подростковой аудитории. Но ее актерский талант оценила и взрослая аудитория, которая наблюдает за ее творчеством в театре и не перестает удивляться широкому творческому диапазону.

Свой путь на сцену с раннего детства начала в Тбилисском академическом театре имени Котэ Марджанишвили и вплоть до окончания школы принимала участие в его спектаклях. Тамуне повезло участвовать с легендарными актерами. Софино Чиаурели, Котэ Махарадзе, Отар Мегвинетухцеси были ее партнерами. Также принимала участие в постановках Темура Чхеидзе и Роберта Стуруа. На сегодняшний день она одно из самых узнаваемых лиц «Тависупали театри» («Свободный театр»), где играет уже восемь лет.

- В каком возрасте вы определили для себя, что будете актрисой? Насколько сложна была для вас дорога в мир театра?

- Бабушка, мать отца, работала в театре имени Котэ Марджанишвили, где ставился один из спектаклей и понадобился маленький ребенок. Мне было тогда три года, и бабушка, забрав меня из детсада, отвела на кастинг. Претендентов на роль было несколько, среди них были и дети знаменитых людей. Но выбрали меня. Как рассказывают, я была очень послушной, хорошо выполняла указания режиссера, благодаря чему детские роли во всех спектаклях давали мне! Штатной актрисой этого театра я не числилась, но помню свое осо-

бое чувство гордости, когда мне выдавали зарплату. Так с раннего детства моя жизнь оказалась связанной с театром. Поэтому сложно вспомнить, когда именно захотелось стать актрисой, я не помню, когда бы мне этого не хотелось!

- Задумывались, как могла бы сложиться ваша судьба, если бы не тот судьбоносный кастинг?

- Честно говоря, даже представить не могу себя в другой сфере. Семья не поддерживала мой выбор, отец прочил мне профессию врача-стоматолога, мать видела врачом-гинекологом, а я стала актрисой! (смеется). Не было сомнения или даже колебания, всегда была уверена в своем выборе. Ведь профессия всю жизнь мне сопутствовала, и никак иначе не могло сложиться.

- И сложилось прекрасно, ведь вам повезло играть со многими великими актерами. Какие у вас воспоминания связаны с этим?

- В спектакле «Последняя царица Грузии» я играла вместе с Котэ Махарадзе, Софино Чиаурели, Отар Мегвинетухцеси. Несмотря на то, что была маленькой, уже тогда сознавала, как мне повезло и какая это была большая честь. Также я сыграла в спектакле «Уриэль Акоста», который был поставлен самим Котэ Марджанишвили и позже восстановлен Софино Чиаурели. Она

дала мне роль маленького Робина. Очень дорожу этими воспоминаниями, ведь все они люди исключительного таланта, я восхищалась ими.

- Что больше всего привлекало вас в этой профессии и сохранились ли те первоначальные ощущения?

- Считаю, что моя профессия – мой лучший, самый верный друг, который никогда меня не оставляет и всегда дает мне возможность двигаться вперед, поэтому ощущение осталось неизменным. Когда огромное желание сдать на актерский факультет Театрального сбылось, у меня всегда были дело, спектакли, фильмы. Я искренне работала над своей профессией, и профессия в свою очередь всегда давала мне работу. Одним словом, прошла немалый путь актерского творчества, и могу сказать, что для меня это очень счастливая дорога.

- Вы часто говорите, что являетесь по характеру борцом, но на какие уступки вы все же идете? И есть ли на ваш взгляд вещи, которые вы не уступаете, а просто считаете бессмысленным за них бороться?

- Считаю, что за все в жизни нужно бороться! К примеру, очень люблю балет, но балериной уже никак не стать (смеется). Но если задача реальна, и для ее достижения нужны труд и упорство, не жалея сил идти до конца. Культурно, в рамках разумного, объективно оценивая свои способности, интеллект, образование, вступать в каждодневный жизненный бой. Иногда не будет хватать ваших сил и выше головы не прыгнешь, но что мешает пытаться? Ведь быть борцом не значит всегда выигрывать, это значит – не сдаваться!

- Тамуна! Насколько я знаю, вы, как и я, родились в Сухуми. Но я была очень маленькой и почти ничего не помню о Сухуми того времени, разве что по рассказам мамы и родных. А вы помните довоенный Сухуми 1992-1993 годов? Повлияли ли те переживания на становление вашей личности?

- Моя мать гостила у своих родителей в Сухуми. Там я и родилась. Мой отец родился и вырос в Тбилиси, мать тоже с пяти лет росла в столице Грузии. Так что можно сказать, что я родилась в Сухуми, но выросла, сформировалась как личность и прошла школу жизни в Тбилиси. А в Сухуми я всегда с удовольствием ездила летом, во время школьных каникул. Гостила у бабушки июль и август. Летом с семьей отдыхали и на других курортах, особенно в горных местах, но потом по традиции возвращались в Сухуми. Что касается начавшейся в 1992 году войны, то эти воспоминания очень печальны... Было 14 августа, прекрасный летний день, солнце, вся моя семья в сборе, родственники... Но этот день сменился трагической ночью. Началась война. После начала военных действий в течение двух недель мы не могли выбраться не то что из города, а даже из дома. Находились в эпицентре стрельбы и бомбежек. Потом с трудом вылетели из Сухуми на самолете. Но и этот перелет оставил неизгладимый след в моей памяти! Вместе с нами перевозили и погибших, совсем молодых ребят, которые стали жертвами войны. Редко рассказываю об этом, тяжело вспоминать. Когда мы вернулись, ощущалась боль от всего увиденного, пережитого, и осознание конца всех традиций, курортной идиллии. Я была тогда ученицей седьмого класса, и последние каникулы, проведенные в этом удивительном городе, стали последней поездкой к бабушке, последним увиденным там солнечным днем. В том году все связанное с Сухуми в одночасье стало последним!

- Какая вы в общении? В одном из ваших интервью я прочитала, что сохраняете со всеми дистанцию –

даже с близкими.

- Задача, которую я ставлю в общении со всеми людьми, это искренность. В первую очередь стараюсь быть хорошим человеком, и только потом хорошей актрисой. Что касается дистанции, считаю, что она необходима в общении со всеми, в том числе и с родными. Ведь во всем есть своя хрупкость, размеренность. Для любого человека, и в первую очередь для актрисы. Если всего этого не учитывать, люди потеряют к тебе интерес. Но при всем этом никто не назовет меня скрытной или замкнутой.

- Какими своими героинями вы особенно дорожите?

- Учитывая работу в разных театрах, и такую «долгую» в «Тависупали театри», собралось огромное количество любимых мною героинь, но все же есть такие, к которым остается особо трепетное отношение: Мод («Гарольд и Мод»), Анна Петровна, та же Сара («Иванов» Чехова), Гертруда («Гертруда»), Мэри («Здесь, в этой обители»), прекрасная Тамуна («Прекрасная грузинская женщина»), и, конечно же, Нора («Кукольный дом» Ибсена). Очень ответственно подхожу к своим героиням. Считаю долгом каждый раз заново доказывать зрителям, режиссеру и в первую очередь себе, что заслуживаю доверенную мне роль. А чтоб создать ее, в героине нужно найти изюминку, прочувствовать ее, полюбить, одним словом, захотеть ею стать.

- Наблюдая за вашей работой в театре, видно, что вы не просто вживаетесь, а проживаете роль. Сложно ли вам выходить из нее?

- Не могу сказать, что сложно, но когда заканчивается спектакль, еще долгое время нахожусь в театре. Привожу в порядок сценические костюмы, как-то заставляю время пройти. После очередной сыгранной жизни на сцене, в такую реальность как улица, дом, не сразу хочется возвращаться.

- Вы популярная, талантливая актриса, но кто ваши любимые актеры? Следите ли вы за их творчеством, может, что-то перенимаете у них?

- Восхищаюсь творчеством Нодара Мгалоблишвили, который всегда безукоризненно играет в постановках очень уважаемого мною Темура Чхеидзе. Люблю потрясающую актрису Нино Бурдули, из голливудских – Мэрил Стрип и Сьюзан Сарандон, стараюсь следить за их творчеством. Но вместе с этим, считаю, что у каждого актера должна быть своя манера игры, язык жестов, поэтому не скажу, что перенимаю. Но, безусловно, что-то учитываю.

- Кто ваш самый любимый персонаж, которого уже сыграли или мечтаете сыграть?

- Еще в школе я прочитала «Сейлемский процесс» Артура Миллера, и с тех пор мечтала сыграть Мэри. Совершенно случайно, уже в институте для дипломной работы преподаватель выбрал мне именно эту роль. Так мною желанная героиня была сыграна. А в последнее время часто думаю о роли Антигоны. Посмотрим, исполнится ли это желание!

- В 2012 году какие творческие сюрпризы можно от вас ожидать?

- Как же без сюрпризов! Совсем скоро выйдет новый телесериал с моим участием, который будет транслироваться на канале «Рустави-2». В театре появилась новая, очень интересная роль, над которой уже начала работать. Какие еще творческие предложения поступят, пока не знаю. Но в любом случае надеюсь всех приятно удивить!

Саломе МАНАГАДЗЕ

Дождались! В начале первого летнего месяца, после девятилетнего перерыва в Грузию приехала группа ДДТ. Команда Юрия Шевчука приняла участие в фестивале Tbilisi Open Air, который прошел в грузинской столице в третий раз. Российский рок-ансамбль был хедлайнером фестивальной программы. Накануне концерта музыканты встретились с журналистами в гостинице «Шератон Метехи-Палас».

ПОРА ВЫТАСКИВАТЬ ИЗ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКА!

«Здравствуйте, генацвале! Я – Юра, очкарик и музыкант». Так Юрий Шевчук приветствовал грузинских журналистов. Те, в свою очередь, ответили градом аплодисментов. Встреча лидера культовой российской группы с представителями прессы больше напоминала дружеские посиделки добрых друзей за чашкой чая – такой теплой атмосферы на пресс-конференциях не бывало давно. Только вместо чашек чая – микрофоны, а вместо пирогов – видеокамеры. Но руководитель ДДТ за тридцать два года творческой деятельности к такому «обеденному столу», похоже, привык. Не дожидаясь вопросов журналистов, он поделился впечатлениями.

- С большим удовольствием приехали в Грузию. Последний раз были у вас в 2003 году, выступали в театре имени Грибоедова. Организатором тогда был Николай Свентицкий – привет ему огромный. Мы дали два концерта. Нас еле отпустили. Такого гостеприимства мы не ожидали – нас возили по деревням, где накрывали столы, много бродили, в общем, мощно провели время. И сейчас мы приехали с миром

и дружбой. Главное для нас – не ссориться, а дружить. Культура – это именно то поле, где все люди равны, все – как родные братья и сестры. Мы радуем друг друга своими песнями, картинами, спектаклями, кино...

- *Что успели посмотреть по приезду? Изменился ли Тбилиси с момента вашего последнего визита?*

- Посмотреть мало что успели. Зато вспомнились горы и храмы. И еще запомнил первое, что бросилось в глаза, пока ехали из аэропорта: на крыльце двухэтажного дома сидели молодые девушки и лузгали семечки. Это выглядело умирительно. Вообще, мне показалось, Тбилиси – очень домашний город.

- *Чем была вызвана девятилетняя пауза? Вас не приглашали в Грузию или вы сами не хотели приезжать?*

- Приглашения были. Но мы постоянно были заняты работой. Коля Свентицкий все время звал нас на поэтические фестивали. Я перед ним страшно виноват. Он каждый год приглашает нас на камерные концерты и вечера поэзии. Мы перед ним в неоплатном году. Но в течение трех лет мы трудились над новой программой «Иначе», до того работали над «сольниками». И все это время мало гастролировали. Мы вообще такая «нечесовая» группа. Нам всегда более интересен сам процесс творчества. Сделать что-нибудь свежее, подняться над самим собой – вот чего нам хочется. Это мы сейчас начали разъезжать по гастролям – из-за программы «Иначе» накопились огромные долги по постановке. Да и других долгов – до фига. Но зато они вынуждают нас ездить повсюду. Если б их не было, сейчас, мы, возможно, трудились над чем-нибудь еще.

- *Есть ли у вас любимое место в Тбилиси, в Грузии?*

- Я бы хотел поехать в горы, где девственная природа, обязательно в храм сходить, помолиться. Интересно было бы вновь побывать в той гостинице, где мы останавливались в 2003 году. Это было небольшой, семейного типа отель. Во дворе бродили куры, утром меня будили петухи – это было классно! Хотел бы навестить тамошних бабушек – они, как мамульки, за нами ухаживали. И, конечно, хотел бы встретиться с друзьями. Ведь главное – это люди. Они украшают любой город. Приезжайте в Питер – у нас тоже хорошие люди живут.

ПРОТИВ ВОЙНЫ, ЗА ДРУЖБУ

- *Вы один из немногих, кто посещал с концертами «горячие точки». В Чечне попадали под обстрел...*

- Если ты художник, то должен быть не только там, где хорошо – в клубе с девчонками, но и там где ужасно, где ад. После событий 2008 года я ездил с МЧС в Южную Осетию. Запомнились два деда. Первому, осетинскому дедушке, «ГРАД»-ом все домашнее имущество разбило – он сильно переживал, рыдал. Рассказал, что отец его Берлин брал. А потом мы с ребятами из МЧС спасли другого деда – грузинского, которого грабители страшно избili и ограбили. Мы его вытащили на носилках из подвала. А у него – три ордена Славы. И он тоже брал Берлин. Эти два деда – в чем они виноваты? Сразу же после возвращения я организовал серию концертов «Не стреляй!» Мы смогли устроить их за невероятно короткий

срок – всего за неделю! Мы забили зал «Олимпийского» до отказа – пришло 25 тысяч человек! С грузинской стороны пригласили Нино Катамадзе, с осетинской – фольклорный ансамбль, были исполнители и из Украины. Во время концерта и я, и Нино страшно нервничали: не дай бог, кто-нибудь что-нибудь выкрикнет – 25 тыщ народу! Но была полнейшая тишина. Я видел, как люди плакали. После выступления для участников концерта накрыли стол. Я никогда не забуду, как осетинский и грузинский музыканты с бокалами в руках стояли, обнявшись, и плакали, как будто оплакивали общую беду. Эту картину я не забуду. Мы всегда – против войны и за народную дипломатию. За молодежь, которая сейчас растет и в Грузии, и в России – будущее. Давайте дадим ей возможность проявить себя. Я почему-то верю, что она будет лучше, чем мы, что у нее не будет ненужных комплексов и амбиций и что она сможет мирно решить все проблемы. Про-

Николай Свентицкий, Юрий Шевчук и Автандил Варсимашвили

сто надо дать ей время. Таково мое мнение. Я говорю это абсолютно искренно.

МОЛОДЕЖЬ ЕЩЕ «ДАСТ ПРИКУРИТЬ»

- *Что вы знаете о грузинских рок-группах?*

- Познакомьтесь с рок-музыкантами из Грузии – еще одна из причин, по которой мы приехали. Навести мосты, чтоб потом пригласить интересный грузинский коллектив к нам, в Питер, на фестиваль. Было бы здорово. Давно пора. Кое с кем из грузинских исполнителей мы уже выступали. Пели с замечательной певицей Нино Катамадзе. Она у нас в России – номер один по джазу. Нино выступает везде – в Питере афиши с ее концертами попадают мне на глаза каждый месяц. Пел с Тamarой Гвердцители, с Дианой Гурцкая. А на днях, на благотворительном концерте для детей, больных лейкоемией, организованном фондом «Подари жизнь», соучредителем которого является Чулпан Хаматова, мы пели вместе с Сосо Павлиашвили. Знаю творчество Шота Руставели, грузинских художников и поэтов, Отара Иоселиани, а грузинский рок – еще предстоит изучить. За годы перерыва – это наш

первый прыжок в Грузию. И, думаю, не последний. Мы расскажем нашим музыкантам, как у вас славно.

- А как развивается рок-культура в России?

- У нас появилось много молодых рок-групп – актуальных, альтернативных. Сейчас в России подъем. В первое десятилетие XXI века, так называемые «нулевые» года, было время циничного гламура. Некоторые музыканты скатились тогда в обслугу. Официант – хорошая профессия, но официант в искусстве – это ужасно. «Чего изволите?» - негоже так обращаться к зрителю. В тот период появилась масса коллективов, творчество которых мне было непонятно. Они пели про то, что ниже пояса. Неужели это главное место в человеке? Оказалось, для многих – да, главное. А сейчас выросла другая молодежь. Она идеологически по-другому настроена. Она уже не ведется на деньги и не считает, что быть богатым – это предел мечтаний. Сегодня молодые хотят жить, строить свою личность, быть богатым духовно и рубиться за свободу, за свои идеалы и за любовь. Молодежь пришла другая,

На фестивале Tbilisi Open Air

не напуганная ничем. Она пишет гениальные стихи, замечательные песни – она свободна. Мы родили свободную молодежь, которая «еще даст прикурить», я чувствую. Думаю, грузинский рок говорит о том же. Ведь XXI век – один на всех. Не может быть, чтобы у вас был свой XXI век, а у нас свой.

ПОРА ВЫТАСКИВАТЬ ИЗ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКА!

- Девять лет назад день своего рождения, 16 мая, вы отметили здесь, в Тбилиси.

- Да, в тот год Петербургу исполнилось 300 лет. Коля Свентицкий организовал по этому поводу большое мероприятие и привез из Питера балет, Гребенщикова и нас. Это было здорово. А в этом году мы справили день моего рождения, репетируя новую песню. В ней, кстати, есть неплохие, по-моему, слова: «Делать воинами сочувствия солдат ненависти и боли – не плохая, чувак, работа, не хуже любых других». Переплавлять солдат ненависти и боли, которых везде много, и делать из них воинов сочувствия – сложная работа, но в то же время нужная.

- Последний ваш сольный альбом вышел в 2008 году. После этого вы перестали выпускать «сольники». Почему?

- Какие-то песни и сейчас пишутся. Если их наберется на очередной авторский альбом, то мы его запишем. Пока же больны «Иначе». Но у нас есть и вторая программа, акустическая, как раз «сольник». Она – другая, она – больше камерный концерт, максимум на 1000 че-

ловек. Хорошая программа, нежная. Я читаю там много стихов, играю много песен под гитару. Приглашайте – приедем и с ней.

- Как бы вы коротко сформулировали послание вашей музыки?

- «Всем нам пора уже вытаскивать из себя человека» - вот главный мессидж наших песен. Пора двигаться в сторону человека. Со всеми плюсами и минусами. Надо «увидеть» в себе человека, а то мы как-то подзабыли его. Очень много политики, недовольства, социального, такого-сякого, а человек как личность в нас исчезает – вот что страшно. Я боюсь, что в XXI веке мы можем вообще потерять человека. За айподами-айфонами и прочими техническими достижениями не видно человека, тепло-го человеческого общения. Поэтому рок-фестивали – это здорово. Приходят тысячи одиночек, которым очень нелегко жить и выживать. А на фестивалях под открытым небом, где хорошая группа поет хорошую песню, незнакомые люди начинают обниматься и петь вместе – эти человеческие связи так важны! Они не видны, они глубоко внутри нас, они эзотеричны, но они есть. И ты видишь всю эту поляну замечательных юношей и девушек, которые обнимаются, поют, у них горят глаза, птицы летают над головой, витает дух любви – это так прекрасно!

ВАЖНО НЕ ЖИТЬ

В БАШНЕ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

- В одном из интервью вы сказали, что попка выступает там, где деньги. А где выступаете вы?

- Мы тоже выступаем там, где деньги. Я другое имел в виду. У всех нас – семьи, дети, мы получаем за выступления гонорары, и это понятно, без этого никуда. Но мы не работаем на корпоративах, в кабаках, в оголтелых заказных мероприятиях, где платят огромные деньги. Мы не пляшем на столах, по баням для начальства – там наши песни неуместны. Это один из принципов. Нам важна независимость и внутренняя свобода. Для рок-музыканта, да и вообще любого художника – это самое главное. Сегодня ты с начальником выпил-закусил, завтра спел про него, а он тебе звонит и говорит: «Юрок, ну как же так, мы ж друзья». Поэтому стараемся меньше общаться с политиками.

- Насколько вы близки вы к своему слушателю? Как он понимает вашу музыку сегодня?

- Хороший вопрос, спасибо. Расстояние между нами и слушателем – два метра, иногда и меньше. Я часто выхожу прямо в публику, меня оттуда еле вытаскивают. А если серьезно, то вы правы, очень важно не жить в башне из слоновой кости и, называясь философом, заниматься «ботанической» музыкой. Все песни – из жизни. Если они не пишутся – значит, ты оброс толстой кожей и тебя уже не «пробивает» жизнь, ты уже не рефлексируешь на явления, происходящие в мире и в людях. Конечно, иметь связи – важно. У нас они есть. Свидетельство тому то, что на наши концерты опять начала ходить молодежь – умная-разумная, студенчество, старшеклассники. А ее не обманешь. Она идет слушать ту группу, которая актуальна и которая живет в нашем времени.

- Вы говорили, что для главное для художника – это свобода. А у вас есть своя формула свободы?

- Есть. И она проста. Это творчество. Оно невозможно без свободы. Это две составляющие одного целого – истины, к которой мы все идем. И все эти звенья, как и вообще все в мире, связаны удивительным и красивым образом.

Яна ИСРАЕЛЯН

«САМОЕ ПРОЧНОЕ В ЖИЗНИ – ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ»

Двух зарубежных участниц конференции, организованной Национальным исследовательским центром истории грузинского искусства и охраны памятников имени Г.Н. Чубинашвили, с нашей страной связывают особые отношения. Этим искусствоведов, входящих в число ведущих в России, излишне знакомить с Грузией, ее историей, традициями и культурой. Потому что они давно живут всем этим, и Сакартвело занимает особое место в их жизни. Старшего научного сотрудника Государственного музея Востока в Москве Светлану Хромченко не пришлось долго уговаривать на интервью «Русскому клубу». Она призналась: «Это поможет выразить то пьянящее ощущение радости бытия, которое грузинская земля, грузинское искусство и люди щедро дарили мне, моим коллегам и вообще всем, кто с открытой душой и чистыми помыслами прибывал на вашу благодатную землю. К этому чувству теперь примешиваются и светлая печаль, с которой вспоминаешь ушедших друзей и горькое недоумение, с которым размышляешь о событиях последних лет».

- Светлана Михайловна, как и когда вы, москвичка, связали себя с грузинским искусством?

- На последних курсах МГУ, уже работая в музее, я сделала свой выбор: искусство Грузии. Великолепные памятники средневековья, картины, графика и скульптура современников, так заметно выделяющиеся на фоне остального советского искусства... Кроме того, мне всегда был интересен резонанс культур, их взаимодействия, позволяющие лучше понять их существенные особенности. Под руководством крупнейшего искусствоведа и изумительного человека Дмитрия Сарбабанова написала диплом, выбрав довольно экзотическую для университета тему: «Грузинские художники в Париже. Какабадзе и Гудиашвили». К сожалению,

Гудиашвили ушел из жизни годом раньше, но, впервые приехав в Грузию, я попала в его музей-квартиру и познакомилась с милой госпожой Нино, которая нашла время для студентки и много и ярко рассказывала о том, что не входит в искусствоведческие исследования. А их, в том числе и парижские, посвященные Гудиашвили, я все к тому времени прочитала. Она говорила о жизни. Напоследок я получила приглашение зайти еще через несколько дней. И вот, с букетом цветов прихожу прощаться – улетаю в Москву. Госпожа Нино передает мне маленький прямоугольник картона, а на нем... У меня перехватывает дыхание – приглашение на выставку Ладо Гудиашвили в парижскую галерею Joseph Billet в январе 1925 года! Я получаю как бы бла-

Светлана Хромченко

гословение проникнуть мыслью и чувством в то время, через десятилетия прикоснуться к тому великому искусству, которое творилось тогда во Франции. Этот бережно хранимый пригласительный билет для меня - напутствие.

- Среди «парижских грузин» была, как известно, и Елена Ахвледиани...

- С огромной теплотой вспоминаю время, проведенное в фондах ее музея-квартиры, концерты по вечерам, встречи с ее друзьями. Живая и теплая атмосфера в доме этой еще одной легендарной фигуры Тбилиси сохранялась благодаря друзьям и родным Элички, колоритной носительницы тифлисских традиций. До сих пор помню неповторимую смесь запахов вкусных грузинских блюд и проклеенной бумаги больших папок, в которых хранились Эличкины наброски Парижа, рисунки, сделанные в студии Филиппо Коларосси, зарисовки Сигнахи, Батуми, Тбилиси, театральные эскизы, книжные иллюстрации. С восторгом читала шутивную переписку со Святославом Рихтером и пронизанные драматичными оттенками письма к театроведу Елене Тагер. Придирчивые подруги художницы сначала воспринимали меня со смешанным чувством: «Вам поручили сделать публикацию, а вы еще так молоды...» «С возрастом это пройдет», - неожиданно ответила я. Не помню, чтобы дамы так хохотали... Результатами этой приятной работы стали альбом и несколько статей, опубликованных в московских журналах.

- Что было потом, после первого знакомства с Грузией?

- Очарованная Грузией, я не упускала случая привезти московских художников, побывать на симпозиумах, поработать в музее над каталогами, альбомами, выставками. Незабываемые впечатления от встреч с художниками Зурабом Нижарадзе, Тенгизом Мирзашвили, Дмитрием Эристави, Марком Поляковым, Автандилом Попиашвили, Зулейкой Бажбеук-Меликян, Гено Тугуши, Леночкой Пирцхалаишвили, Наной Цинцадзе, Мананой Тавадзе, Лали Замбахидзе, Гурамом Доленджашвили и многими другими - яркими, артистичными, талантливыми. Обо всех хотелось написать,

удалось о многих. Судьба подарила огромное счастье, иначе не назовешь - работу над выставкой Пиросмани, которая с впечатляющим успехом прошла в нашем музее в 1986 году. К ней была приурочена и научная конференция, на которой выступали наши коллеги из Грузии, из Музея искусств Нонна Элизбарашвили, Ирина Дзуцова, Ната Беручашвили и другие. Сборник конференции, доклады на которой уточнили многое в судьбе и творчестве Пиросмани, стали библиографической редкостью. А потом как-то органично все материалы встроились в потрясающую книгу, которую Тенгиз Мирзашвили начал делать в Москве, сдружив впечатляющее число искусствоведов.

- Сейчас многие задумываются, что же нам делать, чтобы не прервалась связь культур, связь в искусстве. Судя по всему, вы - из их числа?

- Она не прервется. Знаете, мой предыдущий приезд в Грузию совпал с драматичным событием - гибелью Мераба Костава. Непривычно затихший проспект Руставели, траурная процессия, перед которой ведут коня... Теперь, после того, что случилось с нашими странами, это событие кажется символическим. Но благодаря московским грузинам, замечательным художникам, сохраняющим в своем творчестве важные качества грузинского национального характера, связь с Грузией не прерывалась. К большой радости зрителей, я устраивала выставки братьев Тотибадзе, Георгия Гигинейшвили, Тенгиза Мирзашвили (к сожалению, посмертную). На выставках новых поступлений постоянно появлялись работы грузинских художников, подаренные музею.

- Ваши впечатления о нынешней конференции?

- После стольких лет мы с коллегой получили приглашение в Грузию. Тема конференции касалась широкого спектра вопросов сохранения архитектурного наследия, особенностей грузинского кинематографа, театра. Особенно впечатлил доклад об архитектуре старого Тбилиси, очарование которого может безвозвратно исчезнуть, как только исчезнет удивительное гармоничное соотношение архитектуры и ландшафта, воспетое поэтами и запечатленное художниками. Реставрировать и сохранять облик старых домов дорого. Очень дорого. Но в скромной по уровню развития Чехии это сейчас делается вполне успешно. Крохотная Голландия уже давно и тщательно охраняет свою старину. При этом, жить современному человеку там вполне комфортно. Потеряв старый Тбилиси, нынешнее поколение заслужит геростратову славу и уже не сможет оправдаться перед следующими. Как это ни трудно, надо думать на века вперед. В Тбилиси еще есть что сохранять! И, несмотря на проблемы, особенное лицо города еще не совсем утрачено.

- А о чем говорили вы в своем выступлении?

- Сохранение национального - дело, всегда требующее мужества. В архивах нашего музея есть уникальный документ - стенограмма того, как государственная комиссия в 1937 году обсуждала закупочную экспедицию в Грузию. Напомню, что в то время отход от норм соцреализма приравнивался к государственной измене. И в драматичном документе отразились и тупость тогдашних чиновников от искусства и высокомерие тех, кто был облещан властью и считал, что гораздо более талантливых мастеров, таких как Давид Какабадзе, можно учить «перестраиваться» в соответствии с идеологической доктриной тоталитарного государства. На том заседании художник Александр Герасимов в пух и прах разнес работу Пиросмани, утверждая, что автор «кисти в руках никогда не держал» и «его работы никогда не будут показываться в музеях». Он ехидно критиковал рисунки Гудиашвили, правда, с завистью отмечая, что у того был феноменальный успех в Лондоне. Он откровенно соглашался с Лаврентием Берия в оценке произведений. Тогда, в

знак протеста, Ираклий Тоидзе и другие покинули заседание. А музейные специалисты интеллигентно старались потом сохранить в коллекции произведения, характеризующие именно национальный характер искусства. Но часто безрезультатно. Год спустя организатор экспедиции, сотрудник музея Корсунский был арестован, а Герасимов написал очередную картину - «Сталин и Ворошилов на прогулке в Кремле», которую московские искусствоведы иронично называют «Два вождя после дождя». Картины же Пиросмани теперь висят в залах Третьяковки, Русского музея и у нас.

Этот колоритный документ и стал ядром моего сообщения, прочитанного на конференции, которая была организована блестяще, с тонким тактом и заботой. Мы, гости, постоянно ощущали удивительную теплоту к себе и за стенами зала. Мы вновь и вновь убеждались, что самое прочное в жизни - человеческие отношения, и самое поразительное - сохраняющийся, несмотря ни на что, легкий и светлый грузинский характер, в котором чарующе переплетаются остроумие, отзывчивость, доброта.

Все титулы и должности второй нашей собеседницы сразу и не перечислишь. Член Международной ассоциации художественных критиков (AICA), Международной ассоциации искусствоведов (AISC) и Отделения критики Московского союза художников, заведующая кафедрой всеобщей истории искусств и профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, преподаватель в МГУ имени М. Ломоносова, Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) и Институте антиквариата и экспертизы «Гелос», руководитель научных и образовательных проектов Фонда Петра Кончаловского... Но гостить Нину Геташвили никак не назовешь - она родилась, выросла и значительную часть своей жизни провела в Тбилиси. Ну, а поскольку она не только выпускница кафедры искусствоведения МГУ, но и 43-й тбилисской школы (мы с ней из одного выпуска), разговор шел, естественно, на «ты».

- Расскажи, пожалуйста, как сололакская девочка Нина стала москвичкой и обладательницей стольких титулов?

- Фактически биография изменилась, жизнь переломилась в тот непростой период, который я пережила вместе со своей страной. В планах ничего такого не было, просто какие-то новые социальные обстоятельства (назовем их хоть «перестройкой», хоть как-то иначе) позволили проявить личную инициативу. А у меня она заключалась в том, что захотелось уйти из Музея дружбы народов в самостоятельное плавание. Я увидела себя в рамках выставочной галереи. В 1990 году, когда мы с мужем гостили во Франции, он показывал свои работы в некоторых галереях. Мы входили во многие стеклянные и полированные двери... И это когда мировой художественный рынок переживал шокирующий кризис! И я поняла: галерея - это мое. Естественно, у меня не было ни спонсоров, ни начального капитала, а дело хотелось начинать с высокой профессиональной основы, чтобы были помещение, факс, ксерокс, типография. На самостоятельную раскрутку могло уйти до десяти лет. Еще существовал Советский Союз. Но уже наступило и время частного предпринимательства. Когда в Тбилиси создавалась Ассоциация содействия дружбе народов Кавказа «Кавказ», я посчитала, что это очень благородно. Народы региона тогда уже воевали друг с другом, и мне до боли хотелось внести свою лепту в дело умиротворения.

- И как же ты решила помочь лирам заставить пушки замолчать?

- В музее я провела достаточно лет не только на научной, но и на административной работе, так что, имела

некоторые организаторские навыки, а, самое главное, не боялась брать на себя ответственность. Кроме того, поздно родив ребенка, накопила силы в декретном отпуске. Я составила технико-экономическое обоснование на многих страницах, со всеми планами, анализом международной обстановки, и того, насколько арт-рынок является не только популярным, но и прибыльным. Со всем этим пришла в «Кавказ», и... открылась галерея «Нина». Я была не владелицей, а директором, наемным работником. Тогда в СССР стал образовываться художественный рынок, мои московские друзья организовывали международную художественную ярмарку «АРТ-МИФ». И я предложила на втором «АРТ-МИФЕ» представить «Нину» как грузинскую галерею, которая специализируется на изобразительном материале художников всего Кавказа. В Нагорном Карабахе, в других местах - конфликты, а мы, как бы, рушим

Нина Геташвили

все рамки и, в одном художественном пространстве, показываем, что искусство - без границ. Ту выставку я назвала «Тбилиси - перекресток культур». Там были и грузинские, и армянские художники, я и сейчас горжусь тем каталогом, в нем - блестящие имена: Гоги Алекси-Месхишвили, Зураб Нижарадзе, Гриша Даниелян, нынешний главный художник «Новой газеты» Петр Саруханов... Была и Гаянэ Хачатурян, сначала отказавшаяся: «Я в Москве еще не выставилась, это - такая ответственность». Я предложила послать хотя бы графику. И она сделала большой рисунок. Все это было хорошей заявкой.

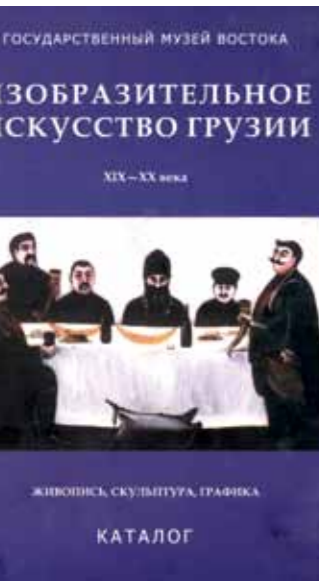
- Увы, остановить вооруженные конфликты это не помогло...

- Более того, один из таких конфликтов коснулся и нас. Мы погрузили работы в товарный вагон, отослали с сопровождающим в Москву. И этот поезд с нашими картинами стал последним, прошедшим по Сухумской ветке - железную дорогу разбомбили. Это было начало октября 1992 года. Вот так частная история вдруг

оказывается связанной с огромными геополитическими сдвигами. Но мы пока ничего не чувствовали, разве что только толчки...

- И как шла продажа работ художников Грузии, для которых та выставка-ярмарка стала уже исторической?

- Сначала, вообще, комедия произошла. Я думала, что все мои московские друзья поспособствуют с продажами. Ведь мне надо было вернуть деньги, которые в меня вложили, они – не мои деньги, я получала зарплату и пробовала свои силы, и была благодарна судьбе и людям, что мне дали такую возможность. Но прошли первые два дня ярмарки, а друзья-организаторы проходят мимо вместе с директорами банков. Меня словно и нет! Я своему директору говорю: «Темури, что происходит?» Он отвечает: «А ты с ними договорилась о процентах?» А рядом сидят наши художники с грустными глазами... И тогда как администратор я попросила их (вежливо, но твердо) перебраться в другие «отсеки», (они, кстати, очень обиделись, в том числе и мой муж Толя Чечик). Поставила дежурить молодых, красивых дочку с зятем – маркетинговый ход. И люди стали заходить, уходили неохотно, картины-то – и вправду, классные. Я вообще слово «клиент» не употребляла, из академической среды сразу впала в рынок. Но сориентировалась быстро и уверенно, артистизм помог – мне стало интересно играть эту роль. И я сыграла ее. Люди шли и шли. Кстати, визитки, которые я тогда получала, помогли на долгие годы – все, давшие их, становились моими друзьями и поклонниками моих художников.

Живопись, скульптура, графика
КАТАЛОГ

- В общем, искусствоведу пришлось стать коммерсантом...

- Не только коммерсантом, но и экспертом, экспертом, транспортником, критиком и т.д. А пока... Дело в том, что с октября по декабрь 1992-го политическая обстановка резко изменилась. В России перестали выплачивать суммы из «Сбербанка», деньги за картины люди переводили через первые биржи. Но «Кавказу» это было уже не интересно, ассоциация разорилась и все перепродала банку. А банк уже налаживал связи с Прибалтикой и Москвой не очень интересовался. В Москве же больше пяти тысяч частному лицу на руки не выдавали (новые указы сыпались как из рога изобилия, плюс бешеная инфляция). И мы с мужем каждый день ходили, как на работу, в течение месяца получили колоссальные деньги, такие, что мне раньше и не снились. В Тбилиси же в это время – война, а мне надо вернуть чужие деньги. Да и дома остались старики, ребенок. И мы все бросаем, прилетаем последним рейсом и сидим дома, пережидая стрельбу. Потом я поехала в «Кавказ» и выложила на стол кучу целлофановых пакетов с деньгами. А ведь долгие годы близкие иронизировали, что я даже три рубля запросто потеряю. Но, при всем этом, поняла: я опять работаю «на дядю». И улетила в Москву.

- И как удалось все начать с нуля?

- У нас были и «семейные» деньги – вместе с остальными картинами хорошо продались работы мужа. Так что, я зарегистрировала в Москве индивидуально-част-

ное предприятие – галерею все с тем же названием «Нина», потом перевезла родителей, дочку. И началась эта круговерть. Пока не переехала из Тбилиси домашняя библиотека, не могла ничего писать. Удовлетворялась тем, что представляла художников, делала пресс-релизы. Ну, а потом пошла педагогическая работа, книги пошли. Оставила галерейное дело, по которому скучаю и сейчас. Но каждый раз, как подумаешь про кражи из хранилищ и с экспозиций, о страховках, об аренде помещения, которое когда-нибудь придется покинуть из-за изменения условий аренды... Ведь, что такое галерея? Она – вроде клуба. Пришел человек, ты ему все объясняешь о хорошем художнике, он делает покупку, радуется. Мы продолжаем общаться. Но другие могут еще прийти через пару лет, а галереи на том месте уже нет... Вот так, три раза поменяв дислокацию, я сказала себе: «Пока не будет стабильности, нет ни сил, ни возможностей вкладывать столько энергии». Потому что для меня это – не бизнес, это – еще часть души, понимаешь?

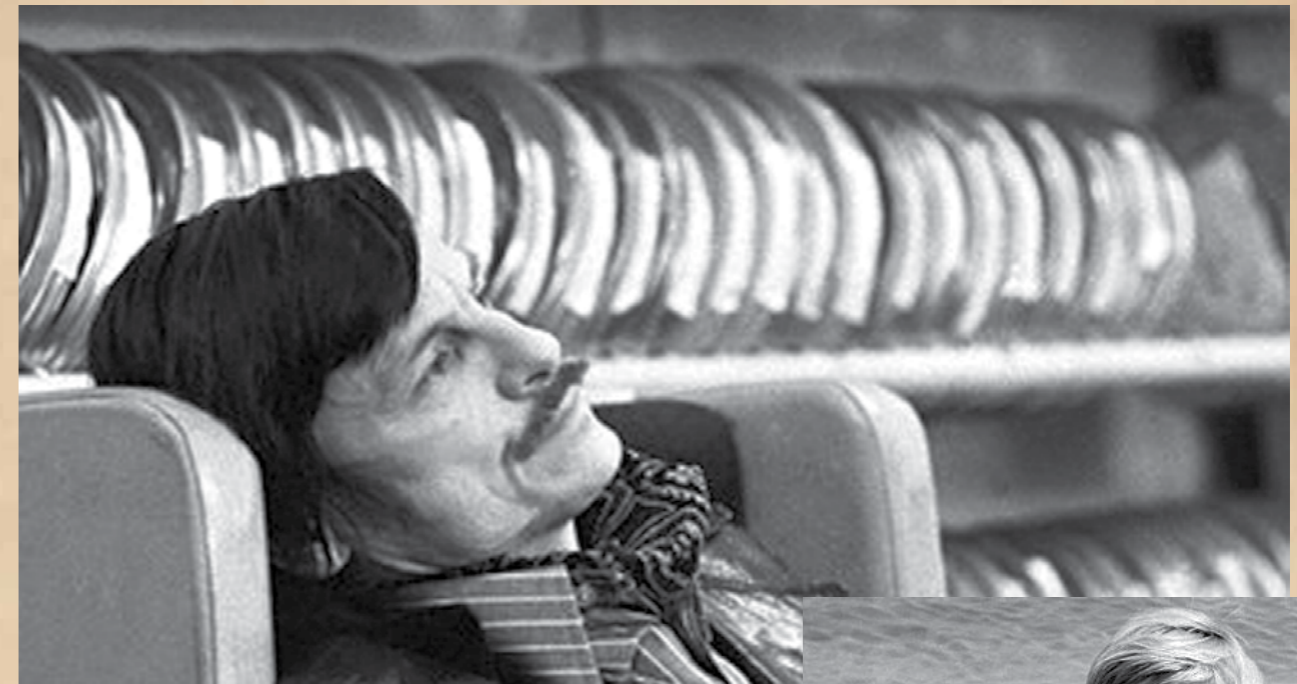
- Так что, теперь основное – научная и педагогическая деятельность?

- Загрузила себя по максимуму. Были и Академия художеств, и ГИТИС, кроме того, что ты перечислил в самом начале, веду мастер-классы в Санкт-Петербурге – от Фонда Петра Кончаловского. Этот фонд прилагает гигантские и очень плодотворные усилия для понимания процессов, которые происходят в современном изобразительном искусстве. Могу назвать себя всеядной, но это будет не совсем правдой. Я люблю хорошее искусство, то есть волнующее душу, дающее пищу уму, не обязательно имеющее рациональное приложение, а просто, каким-то образом трогающее сердце. Вообще, мои привязанности в искусстве часто иррациональны. Хотя профессионально я могу их вербально объяснить. Но понимаю, что нечто, аура, для объяснения ускользывает. И слава богу! А сейчас очень много сил отдаю большим международным форумам по различным проблемам, которые Фонд Петра Кончаловского намерен ежегодно организовывать в ближайшие пять лет. В 2011 году такой форум, посвященный художественной критике, в ноябре прошел в Санкт-Петербурге (25-27 ноября), в Президентской библиотеке. Коллегам из Грузии присутствовать на нем не удалось, и мы договорились работать в режиме он-лайн.

- А что можно сказать о нынешней конференции в твоём родном городе?

- В Тбилиси я приезжаю, к сожалению, редко. Счастлива, что смогла не просто быть здесь, но и участвовать в первой после долгого перерыва международной конференции по проблемам искусства. А ведь традиция-то была. В 2001 году, когда я делала доклад на очередном конгрессе AICA в Загреб, ко мне выстривались просто очереди коллег, вспоминавших то прекрасное время, когда такой конгресс состоялся в Тбилиси. Я принимала их комплименты и безумно жалела, что не имею возможности пригласить всех, потому что я сама – не в Грузии. И вот, на этой конференции, уже были гости: трое из Америки и мы со Светланой Хромченко, моей подругой, экспертом по грузинскому искусству. Уверена, что организаторов конференции следует поздравить (могу назвать их поименно, но особо благодарна Марине Медзмариашвили, Мзии Чихрадзе и Мариане Оклей). Если у меня и были какие-то личные замечания (не к конференции, а по содержанию докладов), то это естественно – дело не в придирчивости, а в точке зрения. Но конференция-то получилась замечательной, мне было очень полезно присутствовать на всех заседаниях, потому что было много очень интересных докладов, презентаций, много по-настоящему нового материала. Так что – спасибо!

Владимир ГОЛОВИН

МОМЕНТ ВЕЧНОСТИ

На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в окрестностях Парижа есть могила с надгробным памятником работы Эрнста Неизвестного. На нем надпись: «Человеку, который увидел ангела». В этом году 4 апреля ему бы исполнилось 80 лет, а 9 мая – 50 лет со дня создания его первой полнометражной картины «Иваново детство». Имя ему Андрей Тарковский.

В основу «Иванова детства» положен рассказ Владимира Богомолова «Иван». Сценарий написан Михаилом Папава. В 1960 году отснятый Эдуардом Абаловым по этому произведению материал забраковали. И начались поиски нового режиссера. Выбор пал на Андрея Тарковского, за плечами которого была короткометражная дипломная работа «Каток и скрипка» по совместному с Андреем Кончаловским сценарию.

Михаил Ромм вспоминал, что у Андрея Тарковского было условие: он берет за картину лишь в том случае, если киностудия поддержит его художественное решение – противопоставить действительности сны Ивана. Мальчику будет сниться та жизнь, которой он лишен, обыкновенное детство.

«Иваново детство» было снято в сжатые сроки – всего за пять месяцев. И сразу посыпались призы – «Золотой лев» на МКФ в Венеции-62, в тот же год – «Золотые ворота» МКФ в Сан-Франциско, «Золотая голова Паленке» МКФ в Акапулько-63... Следом за триумфом фильма «Летят журавли» Михаила Калатозишвили в Каннах-58, «Иваново детство» подняло переполох в мире советской и европейской кинокритики. В лице Жана-Поля Сартра режиссер нашел своего искреннего сторонника. Он писал в своей известной статье об «Иванове детстве»: «Мальчик безумен, как

безумна сама война». И говорил, что на войне ребенок становится монстром.

Как не стать ему монстром, если война отняла родителей, детские годы... Остались только сны, напоминающие о том, чего он лишился. Они углубляют пропасть между детством вчера и недетством сегодня. Игра мальчика в войну на войне делает реальность происходящего более жуткой, чудовищной.

До «Иванова детства» Николай Бурляев снялся у Андрея Кончаловского в фильме «Мальчик и голубь». В сцене со слезами ему дали понюхать лук. На съемках «Иванова детства» Тарковский подошел к 12-летнему Николаю и предупредил, что ему придется плакать по-настоящему. В день самой тяжелой сцены Николай Бурляев пришел за четыре часа до съемок, очень нервничал, пытался вжиться в образ. Время снимать – слез нет. Тарковский подошел к нему и вместо ожидаемого недовольства, начал его утешать: «Что же ты мучаешься, Коленка, бедный мой, да мы все отменим». И вот тут Бурляев заплакал.

Детство присутствует лишь в названии картины, эмоционально преследует нас, но оно никак не сможет вытеснить с главных позиций войну. При этом какая-то непонятная надежда на возрождение не покидает зрителя. В конце вырисовывается силуэт дерева... Оно,

«Иваново детство»

познавшее войну, мертво. Жизни больше нет.

Куда проникает война, там рождается некое «черное», испепеленное пространство вне жизни, вне музыки. И, действительно, музыкальный ряд фильма рваный, обрывчатый.

Фильм наполнен символами и поэтикой.

Кадры фильма – лошади с яблоками на песке, брызги воды и солнца, бег босых ног в прибрежной полосе... Мельница в поле, рябь на воде, солнечный свет, березовая роща, паутина в ветвях, музыка ветра – все они живые и напоминают нам о жизни без войны.

И другие кадры – из измерения, отмеченного войной. В сцене, где мальчик бьет в колокол, он мал и беспомощен перед стихией войны. Перед нами Иван, на которого внезапно обрушилась война, перевернувшая детский мир. Черно-белое решение фильма неслучайно. Это графика, запечатленная на киноплёнке. Прочерченные, исполненные муки глаза Богоматери с младенцем на фреске в разрушенном храме... Набегающие деревья, вовлекающие в свою карусель, в свой бег...

Михаил Ромм: «Пробег лейтенанта по лесу ... снят оператором Юсовым ручной камерой на бегу ... Это имитирует бег человека. Человека нет, бежит только лес, камера стала человеком».

В «Ивановом детстве» словно в янтаре застыли символы, к которым Тарковский-художник не раз еще возвращался.

Тарковский признавался в одном из своих интервью: «Вода для меня – отражение. Но не только. Может быть, это какая-то древняя память. Вода, речка, ручей – для меня очень много говорят...»

Незадолго того, как Сергея Параджанова арестовали, Тарковский навестил его в Киеве. Два мастера читали друг другу свои сценарии: Тарковский – «Зеркало», Параджанов – так и неосуществленную «Исповедь». И как рассказывает племянник Параджанова Георгий, когда Андрей Тарковский прочел фразу:

«Мама моет волосы в дождевой воде...», Сергей Параджанов спросил его: «Андрей, скажи, пожалуйста, а какого цвета стала вода в тазу после того, как мама вымыла волосы? Если ты делаешь кино такого уровня, то вода должна измениться».

Андрей Тарковский не раз бывал в Тбилиси – и в доме Сергея Параджанова, и у Гаянэ Хачатурян, их связывала дружба. Расстояние не было преградой.

Тарковский часто возвращался к теме смысла существования искусства и сам давал ответ: «Для момента вечности. Можно сказать, что искусство существует лишь потому, что мир плохо устроен... Чтобы преобразить не только себя, надо принести жертву – только тогда ты сможешь послужить людям».

Он познал и непонимание, и жесткую цензуру, но и фестивальные лавры, и признание великих в режиссерском цехе – Феллини, Параджанова, Кеслевского. Ингмар Бергман писал, что Тарковский «принес в кино новый, особый язык, который позволяет ему схватывать жизнь как видимость, жизнь как сновидение».

В 1986 году Андрея Тарковского не стало. Его отпевали в Свято-Алекса́ндро-Невском соборе в Париже.

Светлой памяти Андрея Тарковского посвящены фильмы «Ашик-Кериб» Сергея Параджанова и Давида Абашидзе, «Антихрист» Ларса фон Триера, в фильме-притче «Мертвец» Джима Джармуша есть режиссерские «отсылки» к наследию Тарковского.

В другой жизни Тарковский мог бы стать дирижером или художником, как он хотел в детстве. Мог бы, но не стал. Он вошел в историю как режиссер, создавший не микро-, а макромир, перевернувший мировой кинематограф. Тарковский говорил, что учитель, Михаил Ромм научил его быть самим собой, ведь «единственный путь к зрителю для режиссера – это быть самим собой». Хотя цензура и критиканство пожирала его, он этот крестный путь прошел до конца.

Алена ДЕНЯГА

Народное гуляние на проспекте Руставели

Фото Александра Святикова

1512-2972